

**ЦЪЛОКУПНА ДЪЛА
ДОСИТЕА
ОБРАДОВИЊА.**

Книџка прва.

Од последнѣг Ю.лія 1850. цѣна
е за сва дѣла Доситеова 7 е

Р. 19 Ср II 864 / л. 1

ЦѢЛОКУПНА ДѢЛА
ДОСИТЕА
ОБРАДОВИТЪ А.

Препечатала и издала
Народна Кнъигопечатня
дан. Медаковиѣа.

У З Е М У Н У
1850.

Инв. бр. 591 871

ДОСИТЕЙ ОБРАДОВИЪ.

Рисур II 864/1.1

ЖИВОТЪ

И

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДИМИТРИЯ ОБРАДОВИЧА

НАРЕЧЕНОГА У КАЛУБЕРСТВУ

ДОСИТЕА,

НЪИМЪ ИСТЫМЪ СПИСАНА И ИЗДАНА.

Препечатала и издала

Народна Кнъигопечатня

Дан. Медаковича.

Кнъига прва.

У З Е М У Н У

1850.

СТОЛНИ

ИЗДАВАЧКА КУЛТУРА

Д. БИРОС А. Ч. П. БЕОГРАД

Инв. бр. 591874

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

Д. БИРОС А. Ч. П. БЕОГРАД

БЕОГРАД

БЕОГРАД

Од кад е повѣстнице свѣта, од кад знамо за народе на земљи, знамо, да е било и књижевности. Прие Христа, код Грка, књижевност е, и ако ние било штампце, била у прекрасном цвѣту. Из нѣ е наш Спаситель, из нѣ су ученици Христови положили основ науки христианской, која и данас спасава милионе людіи и толике народе. Историа књижевна каже нам уобште, да е књижевност била и да ће свакад бити главно условѣ людског и народног блаженства. По књижевности се и данас разазнае станѣ европски народа. Без књижевности нема просвѣте а без просвѣте тешко свакомъ народу.

Протекао е толики живот нашега народа а до свое књижевности ние могао dospѣти. Ал како е протекао? Само Неманьино племе осиявало е неко кратко време небо наше народно а иначе и пре и послѣ Неманя, чамио е наш народъ у таму, у сужаньству, у бѣди. Књи-

жевности народне, која е друге народе освѣшћавала, упућивала и усређавала, наш народ, од свога постанка ние имао, док се Бог и на нѣга ние смиловао и Доситеа му дао.

Права књижевност србска починѣ од Доситиа. Доситиа е наш први учитељ. Ако е и било прие нѣга люди, кои су писали, народ за нѣи ние знао нити е од нѣи користи оне имао, коју е књижевност приносити му дужна. Књиге Доситеове прве су књиге србске народне. Нѣгове су књиге прве допрле до сваког реда нашега народа. Нѣгове су књиге прве, кое су народу користне. Доситеа е писао за народ наш болѣ него што е може бити икои Нѣмац за свой, икои Француз за свой, икои Енглез за свой народ писао.

Данас нам е постала већ обична ствар да нам наши књижевници пишу на нашем матернѣм езику. Прие Доситиа тога ние било. Писало се, оно мало што се писало, од најстарија до најновија времена, езиком неким измешаним, езиком таквим, кои народ ние могао разумѣти. Доситиа е тај велики чвор разрешио. Доситиа без сваког образаца у свом народу, био е у томе чистие свѣсти и увѣреня него што су и дан данашњи неки назови књижевници. Он е први видио, да нити е асна писати ни штампати, ако се не буде писало и штампало онако као што народъ говори и разуме. Сретна та мисао, која нам е яко прокрчила и олакшала пут наше просвѣте, уважаваће

и споминати далеко наше потомство са топлим благословом.

У она времена, кад е Доситиа у свом народу живио, чинили су калуђери, особито они кои су из истока долазили, велика злоупотребења са наукомъ Христовом и своим чином. Разумни Христянин морао се сгрозити на њиова неваљалства. На ове е Доситиа ил управ на њиова велика злоупотребења яко викао, и у колико су они гледали да народ ради своє користи заслепе, у толико е Доситиа гледао да народу очи разума отвори и правој науци Спасителъвой обучи. Чисте науке Христове био е Доситиа ясни и вѣрни толмач и велики бранитель. Ништа без узрока ние он радио, нивашто без основа ние он нападао. Покойни владика Мушицки у својой оди на смрт Доситеову едино му е рекао, да е злоупотребења престрого кадкад обличавао. И при свему томе опет су њѣгова дѣла забранъивана и спалъивана од овоистрани духовни власти.

Злоупотребења она, коя су се у крилу наше цркве чинила од њѣни служителя, и коя е Доситиа строго обличавао, код нас на овой страни и у кнежевини Србији престала су скоро са свим, и чине се још само у оним земляма, кое под турским ярмом стению. Ако е још што од онога заостало, нашто е Доситиа као на злоупотребењѣ викао, престаће и то скоро.

Има людіи, којима се чини, да е Доситиа

навалице на служителѣ наше цркве викао. Разумни люди видели су и видиће, да е он само на све оне викао, што е зло, што е за народ шкодљиво, па било то у цркви, било у фамилији, било у обштини, било у поедином лицу. Цркву е он нашу као заручницу Спасителѣву почитовао а Спасителя самог и нѣгову науку он е обожавао и кланяо іој се достойние и жешће него икакав изпостник. Под закрилѣм наше цркве и науке Христове тражи он спасение милог му нѣговог народа. Доситиа ние остао на едной точци, на едном предмѣту; ум е нѣгов допирао на све оно, што е народу нашем шкодљиво и на све оно, што би народу нашем било користо. Кад би се желѣ нѣгове свете, свѣтованя нѣгова мудра оживотворила, србски би народ и на овоме свѣту био у раю.

Заслуге су Доситеове за наш народ непрецѣниме. Чрез нѣи ће живити онѣ код србског народа у племенитом спомену неброено вѣкова. Књиге ће нѣгове читати и наше најкасније потомство с најбольом вољом и с великом користи.

Они, кои нѣму друге намѣре нечисте подмећу; они, кои нѣга неће да разумію; они, кои на нѣга вичу; они, кои дѣла нѣгова осуђую, или су слепи или су непријатељи нашег народног и душевног развитка и среће.

У прве две књиге описао е Доситиа сам свой живот. У последњој књизи може се ви-

дити како е он и последнѣ дане провео. Ј љу овде у кратко још споменути оно из нѣговог живота, што у тим нѣговим књигама нема.

Дошао е Доситиа у Србию у Августу 1807. године. У оно време био е Бѣоград у ербским рукама. Тамо е био вожд Србски и Србски Сенат. Нѣга су позвали ради наука и школа, и он е тамо био и попечитель просвѣте, и директор школа, и професор. Може се свак лако представити, с каквим жаром и с каквом е вољом Доситиа настојавао, да се школе подигну и да буду добре. Био е онда већ у годинама, али кад е у избављѣну Србию дошао и видио да е нѣму уређиванѣ школа повѣрено, као да се е на ново родио. — Осим свои школски послова давао е он у Србском Сенату често зреле савѣте. У тако угодним пословима проживио е он радостно у Бѣограду до 21. Марта 1811. године. Жалио е само што ние ондѣ имао штампарије.

Кад е руска војска долазила у Бѣоград, дочекали су е Срби са највећом парадом. Доситиа е изишао да види ту светковину, која е свако Србско срце потрести морала. Ту е сузе радости пролио а по кратком времену слатко и спокојно у вѣчнось се преселио поменутог дана и године. Сретан е био, те ние доживио пронасть Србије 1813. године. Да е ту доживио, препукло би му нѣгово чувствително срце од јада. — Кости су нѣгове саранѣне биле у цркви бѣоградској. Кад е црква нова зида-

на, опрао е нѣгове кости покойни Глиша Возаровић и саранио е опет уз цркву. Над костима стои нѣгова плоча са надписом: Овдѣ му нѣгове Србске кости леже: он е свой род любно. — Кадлиће Срби кости нѣгове пренети код Айдук чесме, као што е нѣгова жеља била?!

Доситиа е још за живота имао доста пријатеља, доста велики почитатеља. Што су се нѣгова дѣла више читала, то е он добијао више почитатеља. За прекрасни примѣр, како наши люди из грађанског реда, поштую оне кои за свой народ свесрдно раде, морам овдѣ споменути између многи други доказа и овај.

Предамном леже књиге Доситеове од различити издања; предамном ево од првог издања: Житие и Прикљученија, Писма, Совѣти здравога разума и Басне Доситеове. На првој књизи „Живот и прикљученія“ читам на корицама изнутра: Купи од Јове Мацковића из Кобаша 1820. лѣта за **осам форинти сребра**. На Баснама стои: „Купи 1817. год. за педесет форинти ш. — Ели то довољни доказ честите признателности и уваженя и любви спрам овог нашег првог народног књижевника и учитеља? Ал и то још ние све. — Пред Баснама е образ Доситеов. Около образа е мало отвореніи обруч начинѣн. У овоме обручу у наоколо стои руком написано: „1837. лѣта правио сам у Ст. Градиш: украшену вел: лађу

а 3. Юніа на крещ: твоим вел: вѣч: им: Доси-
ѳей.“ Желећи имену Доситеову, по своіой мо-
гућности, и осим свога срца, достойни спомен
дати, крестио е свою лађу са именов а украсио
е са ликом нѣговим. — Племенитом том при-
знателности и достойним уваженѣм велики дѣ-
ла усхићава род свой Глиша Веселиновић,
грађанин и трговац земунски. Нѣгове су те
књиге: он их е тако скупо куповао; нѣгова е
то лађа, он е крестио е „Досиѳей. — Подоб-
ни примѣра честите признателности има у на-
шем народу и биће још више.

Покойни Глиша Возаровић препечатао е дѣ-
ла Доситеова у Србији први пут 1833—1836.
године. У Србији е Доситија пре и болѣ познат
и нѣгова наука болѣ уважена него што е код
нас на овој страни била. И ако су нѣгова дѣла
тамо прештампана, опет тамо побожност, за коју
неки стрепе, ние слабија ни мања него код нас.

Мора бити да Возаровић ние штампао оно-
лико књига колико би требало, па вальда су
зато била дѣла Доситеова скупа, тако да е по-
следњи година едан екземпляр по 16, по 20 и
по више форинти сребра плаћан.

Ј сам се приватио тога посла, да народу
нашем даем користне књиге по цѣну што е мо-
гуће ефтинију. Цѣл е моя, да Срби лакше до-
лазе до ваљани књига. Знао сам да има доста
нашег света, кои дѣла Доситеова нема, а знам
да су за свакога користна, па тако сам их шам-

пао и я наново и ево их предаем народу на-
шем у топлој оној желји, у којој их е Доси-
тиа писао и штампао, а та е: да се народ наш
исправља, побольшава, просвѣштава и срећи и
слави својој брже стуна.

Последнѣг Мая 1850. у Земуну.

Дан. Медаковић.

АРСЕНІА ТЕОДОРОВИЋА,

ЖИВОПИСЦА НОВО-САДСКОГА И ИЗБРАННОГА ОБШТЕСТВА

ЧЛЕНА,

ПРИПЪВЪ

КЪ

ОБРАЗУ

ДОСИТЕА ОБРАДОВИЋА,

НЪИМЪ ЖИВОПОПИСАНОМУ.

ALPHABET GEOGRAPHICUS

ALPHABET GEOGRAPHICUS

ALPHABET

ALPHABET

ALPHABET

ALPHABET GEOGRAPHICUS

ALPHABET GEOGRAPHICUS

Быт' отъ проста — Природе — порекла ;
Ономъ жеѳу извест' се по Свету,
Каква царскогъ Анахарса влекла !
Паче овогъ достигнути мету ! ;

Сазнат' нове ызыке и старе,
Многе, землѣ и народа ѳуди ;
Све у онымъ Мінервине даре :
Чимъ се красе, и ничиже люди.

Засѳтоват' надъ свогъ Рода станѳмъ ,
Зароблѣна свега. и расута,
Подъ четверымъ бѣдна Вѳрованѳмъ :
Све за узрокъ незнанства му люта ! . . .

Што е съ вышше, любко и покерно
Пустит' вѳчнымъ Судбинама Мира ;
А предузет' добро и упорно,
До шта подвигъ човечій додира.

Силомъ свои, свакомъ ясны, кнѣ ига
Дѣло свое изъ дальи почети :
Узколебат' сва неволѣ ига,
Како бы лѣкъ свачему принети.

Сократу се подобити саму.
У спознанство враѳат' Еднородне :
Зват' жертвоват' у Разума Храму
Подданнике, Рабе и Слободне.

Разшибават' унынїя мраке.
Ругати се пукомъ суэвѳрью.
Добродѣтель высит' надъ облаке.
Показиват' стазу къ Правовѳрью.

Любовь, слога, учит', меѳу людма
Да су среѳе и якости стуби ;
Юште болѣ меѳу Сроднымъ Удма :
Безтрага ! тко истине не люби.

Произвести чету ученика
У безбройномъ сонму пріятеля.
До найпосле и у враждебника
Одобрень найћи свои желя!

Дождат' сердцу своемъ догађай драгій,
Давны свои предметъ гаданія!
Ту се трудит' — съ триумфомъ — надъ Враги:
И пунъ уснут' благи чаянія.

Ево, Сербљи! слабе живописи
ОБРАДОВИЧЬ ДОСИЌЕА славна,
Когъ се име съ дивны Мужы выси!
Дика наша Свѣту е та явна.

Но такову живопись претрудну
Некъ изверше перомъ већи Дари:
А подобностъ лица неоскудну
Я ћу болъ кистію и шары.

Есте нешто, ком' се умъ нашъ диви,
Видѣти му и обличѣ вѣрно:
Чини намъ се, као да е онъ живый;
И чувство е наше пуномѣрно.

Благо мени! што мой бјаше жребій,
— Съ отслугомъ ми сердца благодарна —
Да с' искусство мое употреби
Ради Мужа тако небопарна!

Потомцы! вы яча чада Муза,
Пожалте насъ невѣште первенце;
И, намѣсто нѣжны наши суза,
Вы достойче плетите му вѣнце.

А мы, Роде! шта бы нашъ Учитель
Наиволео, да му мы воздамо?
Ништа друго братскій Просвѣтитель,
Нег' да радо кнѣиге му читамо.*)

*) Умро у Беолраду 21. Марта, 1811-те године.

ПРЕДГОВОРЪ.

Сладка е стварь и пуна беззлобне забаве и утѣхе, споминятисе свои прошасты времена, одъ самога незлобивога детињства и веселе младости, до мужкогъ возраста и зреліе старости. Проливаю очи мое сладкосердачне сузе припознанства и благодарности, кадъ годъ размышлявамъ велику милость небесногъ промысла, у коликимъ неволяма ми е помогла! одъ колики бѣда и напасти ме избавила! и колико кратъ мое савѣте и намѣре, коя бы ми за мое неразуміе и неразумдіе штетна и пагубна была, на добро обратила! и као чадолюбива мати за руку водећи къ добромъ концу довела! Любавь дружства и пріятельства, сладка стварь! сладко име! сладко споминянь! Чинимисе да сладость райска довольна бы ми была, такова и толика будући, колика е мому срцу утѣха и радость, кадъ годъ поминѣмъ срдачну любавь и пріятельство мои любезника и любезница, благодѣтеля и благодѣтелница. Мое исте слабости и погрешке, прем-

да ѿ се стидимъ, и одъ кои ни до данасъ нисамъ се избавио, ползую ми, кадъ ѿ поминѣмъ, помажуѿи ми да се исправлямъ, колико е могуѿе, да низко и смиренно о себи мыслимъ, и да друге мени подобнослабе люде трпимъ и сносимъ.

Време младости, у комъ кровь наша ври и мыслии непрестано лете, не допушта намъ доста постоянства, да се сами са собомъ забавлямо, и да одъ себе далеко не одлазимо; златный савѣтъ „познай себе“ врло се касно прима.

Тридесетъ и осамъ мои прошасты година напоминю ме, да е подне мога живота преминуло, и да се къ вечеру приближавамъ. Садъ познаемъ, да човекъ у младости, не обзируѿисе нимало на свое недостатке и несавршенства, жели само и говори: камо среѿа да су наши стари паметнии были! У тридесетъ година возраста починѣ сумвяти, да ни е ни самъ доста паметанъ быо. Око четрдесетъ година, не двоивыше, види, да ни е найпаметвии быо, али, намѣрава и нада се, да ће се исправити, декъ и старость доѿе. Што ћемо садъ? Ништа; на путъ! на путъ! едно намъ остае желити, т. е. да наша дѣца и унуцы больи и паметнии буду.

Моя кровь, коя, благодареніе Богу починѣ утлявати се и умиравати, не вара ме выше са суетными надеждама, нити ме чини зидати по воздуху градове; оставля ми мое златно време, што ми јоште сстае, у мою власть, и предае мене мени самому: починѣмъ мало помало одисати, избавляюѿи се младости, како многоволнуемого и свирѣпога мора; садъ ми долази на паметъ божественый савѣтъ премудро-

га Пчѣагора, да се къ себи вратимъ, да у себе дођемъ, и размыслимъ, одъ кудъ самъ на овай свѣтъ дошао, што самъ у нѣму чинію, и кудъ мыслимъ поћи. Ово ми е садъ мое наймилиѣ упражненіе и најдражіи посао: или разговоре учены людій слушамъ, или премудро написане кнѣиге читамъ, или уединѣнъ у комъ безмолвномъ мѣсту ходамъ, о томъ се упражнявамъ, и то уздишући себе пытамъ, одъ кудъ самъ на овай свѣтъ дошао? шта самъ у нѣму чинію? и кудъ љу из нѣга поћи?

Ово дакле размышляваюћи радъ бы да нисамъ сасвим на свѣту неполезанъ быо; радъ бы што годъ после мене оставити, съ чимъ ће се когодъ одъ могъ рода ползовати; радъ бы са свимъ срцемъ, науку и просвету разума, кое самъ одъ младости мое желію и тражію, сръбской младежи препоручити, и тако сръбске кѣри прсима, кое су ме одоиле, ако не колико бы радъ, баремъ колико могу, благодаранъ явитисе.

Зато намѣравамъ различне случае, кои су ми се, у време двадесетъ и петъ година мога странствованя догодили, написане оставити. Уздамсе, описуюћи разне обычае народа и людій, съ којима самъ живію, да љу мое читателъ ползовати: добре обычае похваляюћи, ради љу ій сваком препоручити, а зле похуђавяюћи у омразу довести.

Воспитаніе младости, стваръ найнужнія и найполезнія човеку на свету, будући да од нѣ зависи сва наша доброта илити злоћа, слѣдователно и сва срећа илити несрећа, колико тѣлесна толико и душевна, за кое родителъи (о родителъи сладко име!) найвыше валя да се стараю, да добро воспитаніе чадом своимъ

даду, да ѿ неразмажую, да ѿ не кваре, да ѿ одъ злы ѿудій одъ колевке и одъ майчине сисе одучаваю; дете размажено ласно бѣва ѿудовито, изъ шта се раѣа самовольство, тврдоглавство, упорность, непокорность, и проче злобе, кое узрокую сву несреѣу човечію чрезъ све време живота нѣгова; од кои злы обикновена валя да ѿ чуваю одъ детиньства. Нѣова младда тѣлеса у здравлю да садржаваю, на здравой младости основана е здрава старость: да имъ не даю коекаква ела сладка и майсторски сготовлѣна, конфете и воѣа недозрела. Нѣово младо срце, къ човекѣлюбію и къ добримъ наравом мало помало да окреѣу, нѣовъ умъ и разумъ како почну мыслити и разсѣуѣавати, да просвештаваю, одъ суевѣрїа и коекаквы луды плашенїа чуваюѣи ѿ. О колике слабости и болести ума, плашня деце узрокуе! А сврхъ свега нѣово младо срце любавію правде, истине, поштенога мышленїа и мудрованїа, као сладкимъ матернимъ млекоу да напояваю, злонаравне, строитиве и злогворљиве слуге и слушкинѣ, и свако зло дружество одъ нѣи да удаляваю. О овой матерїи говориѣе се на другомъ мѣсту выше: овде толико являю, да у овомъ момъ списанїю, благимъ и милимъ родительма у воспитанїю нѣове деце желиѣу помоѣи.

Ова матерїа будуѣи найпотребнїа и найполезнїа човечїемъ роду, она ѣе быти и найособитїе намѣренїе овога писанїа. Познао самъ искуствомъ, находѣнїсе одъ младости мое у разнымъ обстоятелствама, шта е полезно, шта ли е вредно было моїой младости; съ различны народи живеѣи видїо самъ, како свою децу воспитаваю, и какова слѣдованїа различна воспитанїа

имаю; при том и кнѣиге учены людѣй, кои су о овой матеріи писали, читао самъ. Гди самъ годъ живіо, имао самъ подъ моіомъ управомъ различну, богаты и сиромаша родителей децу, грађанску и селянску; у Далмаціи, у Црной Гори, у Бечу и у Молдавіи; познао самъ дечина свойства, нарави и свакояке ѣуди; зато при свакој прилицы неѣу изоставити даюѣи пристойна правила, како съ децомъ валя управляти, да буду временомъ добронаравни и поштени люди, родительшима покорни и послушни, людма, съ коима живе, мили и драги, отечеству и сами себи полезни и благопотребни.

У свемъ овомъ списанію, при свакомъ обстоятелству, прилагаѣу и придодавати наравоучителна назнаменованія и полезне ко управлѣнію живота савѣте и наставленія, кое самъ одъ учени люди научіо и изъ полезны кнѣига поцрпіо, нити ѣу быти я, но полза ближнѣга мога прва и главна намѣра ове нѣиге: а што будемъ и о себи говорити, не боимсе да ми се неѣе вѣровати, ерѣ ѣу имати премного узрока самога себе осуѣавати и похуѣавати, а весма мало или нимало хвалити. При свакој врсти и речи овога списанія сматра ѣу себе као предъ всевидѣшимъ божіимъ окомъ, саму ѣу истину любити, о нѣой ѣу се старати, ню ѣу съ топлымъ и чистымъ срцемъ желити и тражити, знаюѣи несумнѣно, да сва наша говореня и дѣла, а навластито она, коя се на штампѣ издаю, и последнимъ родовима предаю, вѣчна слѣдованя имаю; неѣу нимало себе заборавити, чуваюѣисе свакога прирастїа и лицемѣрїа, а особито самолюбїа; правду и истину ради ѣу свагда предъ очима имати.

Наука и познанѣ людій, ніє нити малена, нити мало потребна стварь човеку на свету; о овомъ послу може се рећи како годь и о воспитанію, т. є. да о нѣму завьси све наше благополучіє у цѣломъ теченію живота. Съ кимъ човекъ найвише живи, и съ кимъ има найвыше посла овде на земљи, него съ подобнима себи людма? А како ћемо єданъ съ другимъ пребывати, ако єданъ другога не познамо? лашнѣ є живити съ єднымъ народомъ, кога єзыкъ незнамо, (премда и то ніє малена мука,) него проводи ти све своє живлѣнѣ съ людма, коїи свойства, нарави и ћуди не познаємо. И заисто изъ тога се по вышой части рађаю, неслога, немиръ, мрженѣ, вражба и свађа, єръ непознаємо, како валя, ни сами себе, ни друге. Познати себе, познати люде, нѣове нарави, и найпотайніє склоности и пристрастія нѣовогъ срца, изъ кои произнучу и происходе све нѣове намѣре, движенія и дѣла, о томъ су се трудили найвећи люди, и до данась о томъ се упражняваю и стараю велики філософи. Будући дакле да ме є промысао неба опредѣлю, да проведемъ животъ мой съ разны народы, съ людма и женама; съ богаты и сиромасы, съ учены и просты, съ црковны и мирски, съ коима нисамъ трговао, куповао ни продавао, сва є моя старость была, познати, какви су люди, и изъ кои узрока бываю таки, или другоячіи, какви бы валяло да буду, и чрезъ коя средства могли бы таки постати; при томъ будући да какви смо годъ, морамо єданъ съ другимъ животъ проводити, како валя дакле да поступамо и да се обходимо, да нисмо єданъ другомъ теготни, досадни и вредовити, како можемо другъ дру-

гу угодити; тихо, мирно и любезно између себе живити, и дане живота нашега колико е могуће облакшати и усладити, понаштит' љу се изяснити.

Што се каса познанства себе, правда, да е врло мучна стварь, будући да колико невѣжество, толико и много выше самолюбіе, затвараю намъ очи, и недаду намъ гледати себе съ ружне стране, но ако е што добра у нами, то намъ е мило гледати, то добро видимо, и томе се чудимо, а што намъ ніе мило видити, то за леђа мећемо и добро сакривамо. Но и у овомъ мое слабости, мое погрешке и будалаштине дале су ми на конаць познати, да самъ слабъ и неразуманъ, а сврхъ свега, света наука, божи даръ, небесный светъ наука, и кнѣиге премудры и просвештены людій, учены людій, истины благодѣтеля човечіега рода, дале су ми способъ проћи и достигнути до најпотайниі залетака срца мога, просветиле су ме и дале су ми выше познанства, него што бы могао придобити искусствомъ хілядугодишнѣга живлѣня на земљи. Ову љу дакле колико мучнію толико потребнію матерію, као на нишану имати у свемъ момъ писанію.

После ползе и забаве, кою желимъ комгодъ одъ мога рода узроковати, неизказану утѣху, и неизречену радость чувствуваћу, имаюћи прилику споминяти и познанству последњи родова предати имена мои пріятеля, любезника и благодѣтеля. Немогући иначе одговорити нѣовой сладкой любви, облакша љу прсе мое, явивши свѣту мое припознанство и благодарность къ нѣима, споминяћу се нѣій и любви љу іи догодъ живи душа моя, а то е довѣрка, и нећу престати желити, да милостивый Богъ учини вѣчну награду нѣовой

доброти. Препоручићу споминяню и благодарности наши унука, имена добры и милостивы благодѣтеля, кои изволе помоћи, да издамъ на штампѹ, како ову кнѣи-гу тако и што друго, кое намѣравамъ изъ полезны кнѣига преводити. Да самъ кадаръ савъ трошакъ самъ учинити, чини ми се да нико не бы было весе-ліи и срећнии одъ мене.

Даћу поводъ и прикладъ возлюбленой младежи србской, кою промысао неба сподоби светомъ науке осіяти и просветити, да на свой езикъ преводе, саставляю, и на штампѹ што издаю, да се постараю за матери свое и сестре, за супруге и кѣри, преводећи имъ избране кнѣиге учены народа, даюћи имъ на оваи начинъ благопотребну забаву, украшаваюћи нѣове нарави, просвештаваюћи нѣовъ умъ, и облагорођаваюћи нѣово срце истинимъ благородствомъ добродѣтели и просвете разума. Нека се пошаште и поите довести у свой родъ златно и благополучно време, кадъ ће србске кѣри и супруге читати Памелу, Телемаха, повѣсти Мармонтелове, и проче овима подобне кнѣиге на свомъ простомъ діалекту; и како прве воспитательнице и наставителнице чада свои, просвештене будући, саме ће полагати први основъ нѣовогъ доброгъ воспитанія, напаяваюћи и разумомъ и добродѣтели заедно съ млекоомъ прсію свои.

Я колико самъ могао познати люде, по вышней части познао самъ иѣ добре, и ако гди грѣше, или чинећи оно што не бы валяло, у томъ грѣше или изъ природне човеку слабости, или изъ незнаня, и неразсудія, мыслећи и судећи сврхъ ствари неправо; врло е мало таки людій, кои само из злоће срца, и съ

намѣромъ чине зло, само зашто имъ е зло мило; самимъ тимъ моя намѣра будући исправляти наравъ и обычае, добре хвалећи а зле худећи, уздамсе, да ми се неће за зло примити обличеніе злоупотребленія човечіи. Нико не може се исправити, незнаюћи у чему и како грѣши: а ко се може похвалити, да е безъ слабости и погрѣшке? дакле мы не можемо ни еданъ данъ у миру, покою и любви еданъ съ другимъ жити, не презирући, не трпећи и не праштаюћи еданъ другомъ погрѣшке, али ако би се свакъ са свое стране старао, познати свое недостатке и исправлятисе, много бы манъ грѣшили, и слѣдователно много бы мирніи и веселіи нашъ общедружескій животъ бы; зато молимъ, нека ми се не прими за осуђиванъ народа, чина и лица, осуђиванъ злы обычая и злоупотребленія. Мени су люди свакога народа и чина много добра учинили, а зла нимало, или врло мало; я немамъ никаква узрока съ мое стране на нѣи тужитисе; ако ли гди будемъ чинити, заиста нећу ради мене, но ползе ради мои читателя, да ако ко што таково при себи позна, да се исправи. Мени е жао, да люди, кои не мысле, не суде и непоступаю, слѣдуяћи правилу здравога разума, себи уде и вреде. О koliko бы сви люди на земљи съ стране божіе благополучніи могли быти, кадъ не бы сами свое злополучіе узроковали, мыслећи и живећи на криво! Богъ бы морао зао бити, кадъ бы родъ човечій на нѣово зло и несрећу саздао, а то ко може, здравъ мозакъ имаюћи, и помыслити? Одъ кудъ дакле несрећа? валя да е са стране човечіе. А човекъ бывали своевольно и добровольно несрећанъ? Никако; явно е дакле,

да изъ незнанства и неразумія проиходи по вышой части наша несрећа. Губимосе по странпутицама, а чини намъ се, да смо на правомъ великомъ путу; ко намъ сме рећи да нисмо? готови смо на ма' на кавгу. Свакъ се себи чини на правомъ путу, а другога суди за изгубљна; когодъ не види, не може управъ ходити, а когодъ не умъ мыслити и судити, не може ни своя дѣла како валя управляти; може еданъ истый човекъ, у едномъ послу право мыслити, а у другомъ врло криво, на прилику, Турчинъ вели, да одъ Бога не валя човекъ да бѣжи, ерѣ не може утећи ни сакрити се; имашъ право Турчине: а има ли Турчинъ право, кадъ вели, да ни одъ куге не валя бѣжати? *јокъ валла!* у томъ има врло криво; одъ Бога не могући утећи, не валя ни да бѣжимо, а одъ пожара, велике воде, куге и други многи зала, могућисе сачувати и нехотећи, врло лудо послуємо. Изъ свега овога слѣдуе, да можемо люде миловати и любити, худећи и осуђуюћи нѣове кривопутице; зашто иначе не могуће исправитисе.

Ако ли се ко нађе, ко буде мое простосрдачно намѣреніе и безпристрастно нисанѣ на зло толмачити, примаюћи за обиду, и обличеніе обычая, у коима е онъ воспитанъ, и кои се нѣму добри чине, знамъ да ће ме осудити, и о мени зло говорити; я самъ и то предвидію, и нисамъ се томе не надао; ко може свимъ и толико различнымъ людима угодити? Я љу се само старати, ништа противъ мое савѣсти, и противъ правила здравога разума не писати. Ко се задоволава само као овца ићи за другимъ овцама, правда да нѣму не потреба ни мыслити ни рассуђивати. Укоре-

нѣнѣ стары обычая подобно в кореню велики дрва: за колико година су се углублявала далеко у землю, толико потребую да се осуше; валя се мало и усудити, и почети мыслити, како ће люди на сто година после насъ мыслити, ако нисмо ради остати свагда у првой простоти и дѣтиньству. Да нису се Европейцы усудили, мисли свое поправляти и умъ наукомъ просвештавати, остали бы до данасъ у првой глупости и варварству, и были бы подобни бѣднимъ народами африканскимъ.

Прикладъ други народа дае ми дрзновеніе; на-ѣнѣсе довольно оштроумны и правосудны лица између браће мое, кои ће познати, чи самъ я интересъ и ползу пишући желіо и искао, ако ли што гди буде погрешено, учени ће люди после мене исправити, и мени ће човеколюбно као човеку простити. Мени в довольнона утѣха даюћи прикладъ ученимъ мога народа, да србски починю на штампу што добро издаваги; штета да толикій многочисленный народъ остае безъ кнѣига на свомъ ѣзику, у време, у кое наука близу насъ сія како небесно сунце. Ако ништа, позна ће браћа моя усрдіе мое къ нѣима после мое смрти, и то в таман време, за кое се валя старати и писати; време в живота нашега едан минутъ, едно тренуће ока, и едно ништа, а по смрти чека насъ вѣчность; само последњи родови суде право и безъ пристрастія о прошастима; утѣшенъ ћу поћи с овога света, знаюћи да самъ браћи мојой добра желіо, да самъ се силіо, учинити толико ползе, колико самъ могао и да нисамъ залуду живіо.

Изъ тога што самъ доведе говорію, може се познати одъ части и накратко, шта ће ова моя књига у себи садржавати; ніе выше потреба о томъ говорити, толико могу јоште придати: да ако ко буде само забаву искати у ове књижнице читаню, неће безъ нѣ быти; шта е забавнѣ него знати, како живе люди по различни мѣсты света, и какви су нѣгови обычаи? Двадесетъ и петгодишнѣ мое пребиванѣ и путованѣ, у Далмаціи и Црной гори, у Албаніи, у Греціи, у различни острови средиземнога мора, у Смирни, у Итали, у Молдавіи, и садъ у Германіи, да ће довольно матеріе забави и разговору.

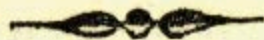
Огласіо самъ у писму къ любезнику моему Хараламию, да намѣравамъ издати *савѣше здравога разума*, коя ће књига садржавати найизбранѣ мисли и савѣте учены людій, съ разны езика преведене, о комъ послу починѣмъ съ помоћу Бога трудити се овде у Лайпсику, а међутимъ издаваћу ове мое случае, чекаюћи, оће ли се кои добаръ Србинъ наћи, да помогне съ трошкомъ. Уздамъ се у промисао неба, да ће помоћи мојој братолюбной намѣри, будући да колико ми даруе живота у напредакъ, у овомъ дѣлу и упражнѣнію намѣравамъ провести.

Теби дакле, о любезнѣйшій и сладчайшій славеносрбски народе, посвештавамъ колико ову, толико и оне коѣ ће слѣдовати, плоде и жертве мога пера. Вамѣ пожелани жители *Србіе, Босне, Херцеговине, Црне горе, Далмаціе, Хорватске, Срема, Банаша и Бачке!* вами и вашимъ последнѣмъ унукомъ, съ горећимъ и пунимъ любви срцемъ овај мой малый но усрдный трудъ предаемъ! Примите га (ако ништа)

за забаву. Ако гди буде што погрешно, молимъ и просимъ вашу доброту и чело̀всколюбіє, да опростите слабости моіой; самъ е Богъ безъ погрешке и безъ недостатка. Препоручуемъ себе вашей милостивой и срдачной любви; я незнамъ, оѣу ли гди съ вами іоште живити, и сладкогъ вашего пріятельства наслаѣвати се, толико просимъ, кадъ ме не буде на свету, да ми желите одъ благога Бога милость, кою и я вами, заедно са светомъ разума и науке, и вашимъ синовомъ и кѣрма одъ рода въ родъ, догодъ Богъ светъ држи, свесрдачно желеѣи: пребивамъ до последнѣгъ могъ издыханія душомъ и тѣломъ савъ вашъ

У Лайпсику, 15. Августа 1783.

ДОСИЮЕЙ ОБРАДОВИТЬ.

Virtute vixit, Memoria vivit, Gloria vivet.

**In der Tugend leb' er, im Angedenken lebt er,
im Ruhme wird er leben!**

**Живо е добродѣтелно, живи у спомену, жи-
виће славно.**

Мѣсто роженя мога было е варошь Чаково у Банату Темишварскому. Отаць мой звао се *Бураѣъ Обрадовиѣъ*, родомъ Србинъ, по занату ѣурчія и трговаць; мати моя *Круна* именовъ, была е родомъ изъ села Сенмартона не далеко одъ Чакова, кѣи Ранка Паункиѣа. Толико самъ маленъ остао по оцу сирота, да едва га памтимъ, но растеѣи кога самъ годъ чуо о нѣму говорити, нѣ га нико безъ уздисаня споминяю, колико Србљи толико и Власи добрымъ Букомъ називаюѣи га, жалеѣи, што е умро, и желеѣи да нѣгова деца нѣму подобна буду. Колико самъ младъ бую, но памтимъ како годъ данасъ, какву е силу на мени имало, таково мога родителя свию людій споминяѣъ, я самъ га потомъ свагда у уму момъ представляю, не само као оца мога, но савыше као едного човека правдолюбива, поштена и прелюбезна, кога споминю, любе и жале сви кои су га годъ познавали; и то добро памтимъ, да мое младо дѣтинско срце, крепко бы желило, да и самъ нѣму подобанъ будемъ, и тако любавъ и милованъ други людій да заслужимъ. Следованъ ове Историѣ показаѣе, да самъ я по вышой части савршенъ узрокъ имао, съ

людма, съ койма самъ живію, задоволянъ быти, но то приписуемъ нѣовой добротн; толико могу увѣрити, да ако е што добра и съ мое стране было, заисто, узроковато е было чрезъ свагдашнѣ споминянѣ мога доброга оца: кому и данашнѣй данъ желимъ уподобити се, и тако любезногъ споминяня браће мое и рода сподобити се. Зато како самъ обећао, на ма при овой прилицы нећу изоставити родителѣмъ напоменути, да се стараю, сами са своимъ поступкомъ, дѣцы своіой у време младости нѣове, добаръ прикладъ дати; што дете чуе, то учи и прима, како годъ и своіи родителя езикъ; што види да се предъ нѣимъ свакій данъ чини, томе мора навикнути, тако присвоява обычае, тако нараве, тако све мысли и мудрованя оны, съ койма расти. Съ чимъ се новѣй судъ найпре напуни, тимъ се и напои; одъ свію съ койма се обходи, младость прима, а навластито одъ родителя, кое пре него Бога познае; родители су чадомъ своимъ найлюбезнѣи прѣатели, найсрдечнѣи доброжелатели, найвећи благодѣтели и властители, они су имъ и први управители и учителя.

Мати моя оставши удова съ четворо малене дѣце, не могући сама теготу куће носити, а притом и млада будући, две године по смрти оца мога пошла е за другогъ мужа; но у овомъ другомъ браку весма е сирота несрећна была. Опоминѣмъ се да бы е често находіо горко плачући, и кад бы е пытао, зашто плаче, за оцемъ твоимъ, одговорила бы ми. И тако годину и по, плачевно прежививши у другомъ браку, и родивши последнѣй плодъ утробе свое, по мало дана преставила се заедно съ породомъ своимъ, у дому

родительскомъ у Семартону. Было ми е тада деветъ или десетъ година. По смрти матере мое два брата моя, стари Илія и млађий Лука, и я, вратилисмо се къ нашемъ стрицу Груицы, кои насъ е као родителъ приміо. Онъ е имао у дому едну старицу снау съ двѣма синовицама. Ова наша стрина именовъ Босилька была намъ е на мѣсто матере, како годъ двема кѣрма Синђи и Соломи; наша сестра одъ свою насъ наймлађа, именовъ Јуліанка, остала е у Самартону у дому дедову, гди, по неколико месецій преставила се. Ова моя никадъ незаборављна и непрежалѣна мала сестрица, у петой години узраста показивала е особиту красоту и остроуміе, и да е живила, была бы савршено подобна матери нашої, и данасъ тужи ми срце споминюћи ю, жалимъ е, колико да е юче умрла; толико самъ е любіо, да, да е живила, небы се иигда одъ нѣ удалить могао; но заръ е тако изволила судбина, да нема срце мое ништа на свету, чему бы се могло яко прилепити, за не имати никаква пришетствія, у широкій светъ удалить се. Одъ то доба почео самъ све люде, кои бы ми найманѣ доброхотства показали, за сродне и пріятелъ, све жене, коє бы ме само любезна погледа сподобиле, за сестре и сроднице вменявати. Овде ми се чини да починѣ првый почетакъ живота мога, у деветой или десетой години моіой; безъ сестре рођене, почео самъ себе као странна и пришелца, у истомъ мѣсту рођеня мога сматрати, и мое срце почело ми е као прорицати, да ћу странствовати. Одъ кога бы годъ чуо споминяти, *Варадинъ*, *Будимъ*, *Пешшу*, срце бы мое летило тимъ мѣстима, желіо бы познати люде, кои у нѣима живе, и радъ бы было зна-

ти, каква су у њима деца и девојке; ужасавао бы се чујући, да има већи и шири рѣка него Тамишь, и већи планина него унке око Семартона. Но за неизоставити ни едно обстоятелство, кое може имати какавъ годъ союзъ съ воспитаніемъ, нека ми се опрости, да се мало натрагъ вратимъ.

Почео самъ быо ходити у школу јоште за живота матере мое, и памтимъ добро, да самъ имао велику радостъ идући съ букваромъ у руцы у школу, само ми е жао было, што ми е букваръ издератъ быо, будући е изъ нѣга учіо мой братъ Илія, пакъ га е у таково станъ метнуо, као да су курацы изъ нѣга учили. Мештеръ стараць Добра, тако се е звао мой првый учитель, задоволянъ моимъ мирнымъ у школи сѣденѣмъ, моимъ честымъ предаванѣмъ лекція, моимъ тихимъ и боязливимъ поступкомъ, по мало дана осимъ сви мои врстника почео ме миловати: и видећи ме одвећъ боязлива, да како бы комъ детету фиргазъ или фелуру почео давати, я бы съ њимъ заедно почео плакати, као да бы имао после нѣга на ма' на мене редъ доћи; добрый мештеръ за избавити ме одъ свагдашнѣгъ плашеня, и дати ми дерзновеніе, почео се самномъ разговарати, казуюћи ми узрокъ, зашто е онъ принуђенъ неку одъ деце наказивати и бити, и да добра деца, покорна и прилѣжна, немаю се ничега бояти ни страшити; видећи ме да ми е мило гледати друге деце нове букваре и часловце, обећа ми, како свршимъ мой букваръ, поклонити новъ часловаць, и испуніо е обећанъ. Незнамъ ели то нѣгова милость къ мени была, или майсторія мое сладке матере, коя е два посла съ овимъ измышлѣнѣмъ исправила, мене

т. е. у веће познанство и любовь са старцемъ меш-
тромъ довела, и момъ брату Или узрокъ кричати
и кавцати се, што онъ при свомъ старомъ, измрля-
номъ часловцу остае, не дала: много бы ми га кратъ
кодъ куће отео, но како бы пошли у школу, дао бы
ми га опеть, молећи ме, да не кажемъ ништа меш-
тру, изпричаваюћи се, да онъ ніе быо на канѣнъ осво-
ити га, но да ми га е мало време узео быо, да ви-
ди што љу я чинити.

После смрти мое миле и сладке родительце, о-
стао самъ учећи псалтир; мой тетакъ *Никола Парча-
нинъ*, видећи ме прилѣжно ходити у школу, хотећи
облакшати стрину Босильку, а при томъ неимаюћи
ніедно мужко дете, добра одвећъ и милостива срца
будући, узео ме къ себи съ намѣреніемъ, да ме вос-
пита намѣсто сына. У ово време у Чаковачкой шко-
ли случила се измена; незнамъ за кои узрокъ Чаков-
цы чинилу су доћи на мѣсто старца Добре некога Сте-
фана Микашиновића; съ овимъ е мой тетакъ Никола
учиніо особито познанство, казао му е, да е науміо.
кадъ се добро изучимъ, оженити ме и запопити, пре-
поручіо ме е нѣму крепко, и свою препоруку често бы
подкреплявао, частећи га и купуюћи му на даръ, кадъ
файнъ шеширъ, кадъ паръ свилены велики марама.
Оваке препоруке имале су велику силу: мой госнодаръ
магистеръ (онъ се ніе дао звати мештромъ) имао е
заиста на мене особитый позоръ, по савршенію псал-
тира, дао ми е учити катихисисъ, то естъ *православ-
ное исповѣданіе*, толкуюћи ми сваку лекцію на просто
србски. Мени е врло ласно было наизустъ учити, и
тако за две године дана, знао самъ на память не са-

мо катихисісъ, но и различне друге рукописне ствари съ толкованѣмъ. А при томъ, имаюћи неку природну склонность што ново научити, кадъ бы годъ быо у цркви, сакрію бы се у олтаръ, дочепао бы се влашкогъ казанія или поученія, пакъ бы читао до савршенія црковнога правила (познато е да у Чакову сва деца сръбска знаду влашки); толкованіе мога магистра могло ми е да разумевамъ прологе: ни еданъ ніе остао непрочитанъ одъ мене, много бы ме пута попови карали, што кваримъ црковне кнѣиге, но залуду. Две три године ово чинѣи, влашко поученіе, Евангеліе, и прологе знао самъ на память; ко бы ме годъ хтео слушати, казивао бы му одъ ютра до ноћи повѣсти изъ пролога, гди бы годъ майстори и момцы шили, ту бы я ишао казивати казанія и житія различны светаца, свакомъ бы се мишло слушати оно што незна. Ове све ствари миле су быле моме добром тетку, и по нѣгеву мнѣнію врло полезне къ намѣренію, кое е онъ самномъ имао, нити е могао мой добрый благодѣтель предвидити, да е башъ ово было управъ противъ нѣгове накане, како ѣу садъ дати познати.

Я напунивши мою главу детиньску съ казаніями и съ пролози, а не будући нимало кадаръ сврху чегагодъ како валя мыслити ни рассуѣивати, науміо самъ быо савршено да се посветимъ; размышляваюћи шта су страдали мученицы, я бы тешко жалію, што п садъ не муче хрістіяне, те би се я на ма дао за законъ иснеѣи; а кадъ бы ми пало на умъ, шта су пустиньицы радили и пословали, крепко бы желію, да се намѣримъ на когъ пустиника, да съ нѣимъ одемъ у Египетске и у Арапске пустинѣ, гди нема стопе чо-

века жива. Како бы ко пошао у Сенђурацъ, Партошъ и Бездинъ, манастире недалеко одъ Чакова, пошао бы и я съ нѣмъ, съ наканомъ, да нађемъ какву пештеру или ти пустиню, и да ту останемъ; но онде видеѣи, да калуђери еду и шю као и други люди, и не чуюѣи да се око нѣи гди наоди каква пештера ни пустина, нѣе ово место за мене, мыслио бы у себи, пакъ бы се невесео вратио у Чаково. По мојој тадашњој памети Банатъ бы много среѣнии быо, да е пунъ пустиника, него села, варошій и градова. Мой благодѣтель почео е дознавати моя чудновата желанія и намѣренія, радио бы свакояко одъ тога одсоветовати ме и одвратити, много крaтъ бы ме загрлио, любіо и съ отачаскомъ добротомъ бы ме обличавао, што я нѣга не милуемъ као онъ мене, и да я неправо чинимъ нѣгову слатку надежду, кою е онъ имао, да ће у мени имати утѣху, помоћъ и покой у старости својој, суетномъ показуюѣи. Мени бы жао было то чуюѣи, и заисто я самъ весма нѣга любіо, но ко ће мени извадити изъ мозга пустинѣ и пустинике, и све коекакве ствари, съ коима самъ быо мою будаласту дѣтиньску главу напунио? Изъ овога некъ свакъ позна, каква е стваръ, да дете чуе и чита оно што нѣе за нѣга. Я бы му одговоріо, да Евангеліе учи, ко хоће да угоди Богу и да се посвети, и тай валя да се одрече свега, рода и родителя; онъ бы ми рекао, да Евангеліе што учи, добро учи, но да моя детиньска паметъ и глава нѣе іоштъ кадра разумѣти, шта оће Евангеліе чрезъ те речи; и да е мени потреба чекати савршена возраста и зреле памети, за моѣи разумети силу Евангелске науке; я бы му онда почео ка-

зивати, шта е учиніо светый *Аншоніе*, *Ефшиміе*, *Павломіе*, *Онуфрие* и хіляду други, и светый *Сава* Србскій; а онъ бы онда, мицаюћи главомъ и уздишући одговоріо: „е мой синко, садъ я видимъ, да бы болъ было, да ты те кнѣиге ниси читао! У садашнѣ време ко се кодъ калуѣери, калуѣерисе или изъ незнаства, или да му е лакше живити. Я самъ остаріо съ свакояки калуѣери, съ Брусалимцы, са Синайцы, са Светогорцы и съ овима, кои се наоде у наши вилаѣти; найманя имъ е старость светиня; люди су како годъ и мы: еду, пию и раде да стеку новаца, као и други кои имаю фамилию на врату. То говорећи я имъ неосуѣуемъ, то га се ни они сами неодричу, но теби кажемъ, да е права светиня, да млађій старіега слуша, да се деца свои родителя не одричу, као ни родители свое деце, и да човекъ праведно и поште-но у своіой кући, о свомъ труду и муцы, са своіомъ женомъ и децомъ живи, ништа туѣегъ не желећи; ако ли се нађе кои одъ многи, да има какову другу склоность, добро е и потребно, да одъ свои старіи и пріятеля саветъ иште, и да чека свои двадесетъ и петъ или тридесетъ година, да е кадаръ познати оно, што мысли изабрати. Црковни или ти мирскій, ко мысли съ людма и међу народомъ живити, валя да се стара, како ће и онъ са свое стране другима на ползу, а не на теготу быти.“ — Видећи да я не знамъ, шта ћу му одговорити, по неколикомъ мучаню, опетъ бы почео съ већимъ усрдіемъ говорити: „мой Димитріе, вѣруй ти твоимъ баби, (сва деца, моя браћа и братучеди, бабомъ смо га звали) мени има близу педесетъ година; я самъ искуствомъ познао човеческо

естество, я тебе любимъ како годъ да самъ те родіо, свѣтуюћи те твою срећу желимъ, а не мою; ако ли ты мене не послушашъ, я се нећу каяти за добро што самъ ти учиніо, мени ће Богъ платити на другомъ свету; но я тебе жалимъ.“

Свакъ ласно може познати, какавъ е овай савѣтъ быо, како га и самъ садъ познаемъ; но онда ко ће луду дати паметъ? Моя глава напунѣна будући пустиняма непроходимима и пешчерама, ништа друго ніе могла у себе примати. На неколико дана после овога разговора быо самъ се крадомъ спреміо, да пођемъ съ единымъ игуманомъ Дечанцемъ у Турску, чуюћи одъ нѣга, да у турской земљи има планина, пештера и пустиня, гди живъ човекъ не долази: Ха, то ти е мое мѣсто, викнуо самъ! А блажена турска земля, гди има таки пустиня, кое люди са свои греси не скверне; ту ти се човекъ ласно може посветити! валяда е Богъ ту землю благословіо, те само у нъой има пустиня. Мени се чинило да е тога игумана Богъ послао, да ме изведе изъ Чакова као изъ Египта, и да спасе душу мою. Пошао самъ съ нѣмъ до Сенѣурѣа; мой добрый тетакъ то осетивши узаше на коня, пакъ етоти га око поноћи у манастиръ. Два игумана, домаћій и странскій, іоштъ при чашама, малъ се ніе сіясетъ учиніо съ моимъ Дечанцемъ, хотећи мой тетакъ да га везана пошлѣ у Темишваръ, називаюћи га турскомъ лажомъ и скитницомъ, комъ ніе доста новце по туђемъ вилаету купити, него хоће іоште и неразумну децу у Турску да преводи; люди паметни и кои могу бѣже изъ Турске, и прелазе у мирна царства хрістіянска, а онъ хоће да децу у Турску води!

Игуманъ сиромъ видеѣхсе изненада у таквой фортуни (олуи) правдао се како е годъ могао, заклинаюѣхсе и преклинаюѣхи, да онъ тога небы за главу учинію, и да е онъ мене хотѣо у Сенѣурѣу оставити. Мой тетакъ по многой вики и укору, и много молѣнъ игуменомъ мѣста, съ коимъ се е познавао, утишасе и седне съ нѣима пити. Онда ти мой Дечанацъ видеѣхсе избавлѣнъ бѣлая, почне казивати, каква е бѣда и неволя у Турской, како люди невольнѣо живе! како куга мори! како чемерни калуѣери скитаюсе одъ села до села милостиню просеѣхи и Туркомъ новце даюѣхи, тако Синайцы, тако Брусалимцы, тако Светогорцы, и тако сви други, што ии е годъ, и ко бы се могао досетити турской политики и лукавству! Гди е годъ коя лепа црква была, они су е присвоили и у цаміе обратили а манастире су све оставили, ерѣ су знали, да ѣду имъ калуѣери непрестано за нѣи новце вуѣхи. Бднымъ словомъ купеѣхи Турцима новце, дошли смо у омразу свету и вилаету; свакъ се насъ укланя као одъ куряка, ерѣ како насъ гди сретне, зна да ѣе ограисати; нити е изоставіо да не каже, како у пустиняма египетскимъ и арапскимъ, гди су се найпре Свецы светили, садъ се ни име хрїстово не споминѣ, него турски пустиници и дервиши у нѣима живе. Моје се добромъ тетку чинило да лети одъ радости, свето слушаюѣхи; у по сата таковогъ разговора, а притомъ чашу по чашу изпражнююѣхи, у велико е прїятельство съ Дечанцемъ дошао. А како е мени было то слушаюѣхи, даемъ другима мыслити! Но ко бы се надао, ко ли ѣе моѣхи вѣровати, какво е и колико мое упорство и тврдоглавство было! Каква е бѣдна стварь

кадъ младъ човекъ обыкне самовольству! На мою душу, самъ се садъ чудимъ, како самъ могао такій быти! Парче човека у то доба, стаяо самъ онде као ђудливъ конь, кадъ стане у средъ блата, и колико гако выше шибѣ и боде, да се изъ блата извлочи, онъ намѣсто што бы напредъ потегао, натрагъ узмиче; ево у какво су ме станѣ довели были мои безъ расуђеня пролози. Я самъ савршено тада вѣровао, да на мене Богъ попушта искушеніе, да види, оћу ли я у момъ светомъ намѣренію постоянъ быти. У момъ милостивомъ благодѣтелю я нисамъ тада ништа друго могао видети, него єдногъ простака, кои ніе читао никаква казанія ни пролога, и кои изъ преизлишне мирске и плотске любви противисе моме спасенію, и самъ не будући светъ не да ни другомъ да се посвети. Садъ ако ко живъ може, некъ употреби сву силу ума свога, за познати какова пакосна упорность, и какова црна неблагодарность рађаласе у мени, изъ источника мнѣмѣ светинѣ; доброта неисказана, милость, отеческа любовь, све в то онда было предъ моимъ помраченымъ умомъ, као пристрастія овога свѣта, коя одвлаче човека одъ Бога! Моя тврдоглавица зла в была и опака, самъ исповѣдамъ, премда ніе происходила изъ зла воли и срца, него изъ неразумія, нерасудія и суевѣрія, нити самъ я могао иначе мыслити, представляюћи себи, да я чистосердачно желимъ, да се посветимъ, а други иду те ми стое на путу и не даду ми.

Дечанца да самъ могао, бы га съ обѣма рукама стиснуо за гркланъ, и загушіо бы га; сматрао самъ га као слабу трску, кою найманъи вѣтаръ колеба, као

човека непостояна, боязлива и страшивицу, кои да се не пошлѣ везанѣ у Темишварѣ, бы се одрекао вѣре и закона, на кратко, они су сви были предѣ моимѣ очима слаби, грешни и плотски люди, кои све свое блаженство наоде у чаша испіяню; уздишући жаліо самѣ нѣове душе као изгублѣне! Я самѣ самѣ быю паметанѣ и кнѣжеванѣ, и мысліо самѣ у себи: бре да се небо и земля сложи, да ми на противѣ стане, я ѣу отићи те отићи! Ни самѣ нимало сумняо уподобити себе Апостолу, говорећи: ко ће ме одлучити одѣ любви Христове?

Ево какову силу имаю прве науке, съ коима се младо срце напои и напуни! Младѣ човекѣ неимаюћи никаква искусства, самѣ не могући право о стварма судити, старіе и искусніе одѣ себе не хотећи слушати, мора быти за дуго тврдоглавѣ, и упоранѣ; догодѣ неударити гди главомѣ о дуварѣ, падне у несвѣсть, ха ха, не тамо! почне самѣ себи говорити. Срећанѣ е ако се то не случи касно, докѣ се іоштѣ може вратити, и на правый путь упутити; иначе идући кудѣ не зна, мора у цѣломѣ животу злополучанѣ быти. Пакѣ се чудимо, зашто су неки младићи пуни вѣтра, самовольице, високоумія и упорности! Ево ти узрока: изъ прве младости чую коекакве преповѣдкѣ, то врло упамте; млада е душа подобна мекомѣ воску, у какавѣ га калупѣ метнешѣ и саліешѣ, онакій образѣ одѣ нѣга направишѣ; докѣ е тай восакѣ іоште мекѣ, ласно га можеш претопити, прелити и преобразити; чрезѣ дуго време буде тврдѣ као гвождѣ, онда се оће много труда за претопити га и прелити; кѣ ономѣ што су чули, ако іоштѣ виде и прикладе неваляле, ако неимаю

кога ко ће съ нѣма управляти, и одъ зла іѣ одврати, остаю у превари и у злу, и свакій данъ выше утврђаваю се у томъ и укореняваю. Младъ човекъ чита єдну кнѣгу, кою да разуме, или бы валяло да има выше искусства, или да є читао друге кнѣге пре, да може ту, коя му є у руцы, разумети, съ вышимъ вниманіємъ, него се злато мѣри, на теразіама ума и разсужденія измѣрити, истину одъ притворности и лажљивобасновиты измышлѣня разпознати, имаюћи свагда на памети, да нѣ све што се сія и блиста, драгій каменъ. Мы бы се ужаснули, кадъ бы добро могли и хотели разсудити, колико су хіляда година неке велике лаже за истину, и лукава лицемѣрія и преластне притворности за праву светиню држане быле! Ово све беззлобна и слаба младость нѣ кадра разсудити, и нѣ іѣ за зло примити; потребує руковођеня и наставленія, ако ли тога нема, остає у там и у превари. Ко се є наученъ родіо на светъ? Гледа младъ човекъ єдну стваръ изъ далека, кою бы валяло изъ близа видити; сматра є съ єдне стране, но за познати ю требало бы є и са друге стране прегледати, и добро видити. Колико пута найискусніи люди другоячїє мысле данасъ неголи юче? и сами се чуде, какве су памети были до лане! О колико смо нерадиви у истраживаню истине! Злато кадъ узмемо у руке, нѣ намъ доста, да намъ ко каже да є злато, но сами разсмамо, имали у себи знаке правога злата, єли тежко, и савіяли се као чисто злато; а за истину, коя є само злато ума нашега, не старамо се толико; што є ко изъ почетка чуо, при ономъ остає, не дамо себи труда за истражити и распознати праве

знаке чисте истине, а што е горе несмемо ни мислити, боєћи се да не прогледамо. Стара е басна но добра, да истина будући нага, и хотећи да и друге свлачи, и да ии наге, такове какви су показуе, видећи да е зато люди добровольно не трпе, но да на ню мрзе, она е побегла и сакрила се у еданъ бунаръ. *Зашо* ко жели къ нъой доћи, валя да свуче са себе сва своя инѣнія и мудрованя, еръ иначе неће быти примлѣнъ.

О овой потребной и полезной матеріи, на выше мѣста споминяћу; за садъ самъ хотео на кратко назначити, одкудъ происходитъ млады людій упорность и тврдоглавство. Я самъ одъ природе изъ дѣтињства быо страшльивъ и по вышой части другима покоранъ: како самъ дакле могао къ вољи мога тетка толико упорности показати? Овай добрый благодѣтель много бы ми пута съ родительскомъ милошћу говоріо: „баба ће теби прекрасну девојку испросити, пакъ кадъ те видимъ у моіой кући оженѣна, онда нећу жалити выше што ми Богъ ніе ниедно мужко дѣте у животу оставіо; онда ћу срећанъ быти!“ Но моя глава пуна светинъ другоячје бы мѣслила: „Кога оженити? мене? сачувай Боже! болъ сто пута, да ме каква свирѣпа лавица или медведица съ ноктима своима на парчета разтргне, него да ме najlepша србска кћи у свое незлюбиве чисте девојчке наручи загри! Я похудити себе, и другимъ грешнимъ людма уподобити! Нипошто и никако! Я ћу дѣвство мое хранити, анѣломъ ћу подобанъ быти!“ Ево браћо люди, какавъ самъ я онда светаць быо? Но природно морао самъ у такову кривопутицу и заблуѣенъ упасти, читаюћи кнѣиге, кое нису за мене были, и хотећи да пре вре-

мена сврхъ дѣвства и женидбе мудруемъ, незнаюћи ни што в едно ни друго.

Може ко помислити, да се я садъ каемъ, што самъ се закалуђерио, и зато овако пишемъ; но я молимъ свакога, ко буде читати ове мое случае, нека не ити пре судити, и нека не чини никаква заключенія, догодъ не очита и оно што ће слѣдовати. Казао самъ, да я нећу себе имати за поглавитый узрокъ и конацъ ове књижице, но ползу ближнѣга мога; нећу себе нимало штедити ни извинявати; правду нећу сакрити колико знамъ; самъ ћу себи по мојој савести као предъ всевидѣнимъ божіимъ окомъ, судія бити; нећу себи нимало праштати; а мой любезны читатель само нека чека, докъ сву ову историю одъ края до края очита, еръ ће само онда моћи о свему управъ судити; и тада ако што позна, да в добро учинѣно, нека слѣдуе, ако ли е погрешено, некъ се укланя. Я како самъ мало повисе казао, быо самъ сасвимъ наумію и навалію, да се посветимъ, и то безъ сваке шале и сумнѣ: добро, добро, види ћемо и ту светиню! За садъ обаче овде не могу изоставити, да не учинимъ ово назначеніе кое ће служити моимъ читателяма за забаву и за одморицу.

По свой прилици, да е мой тетакъ namесто себе метнуо быо мога вреднога магистера Стефана, да ме посаветуе, чини ми се да бы много выше посла оправіо: изъ ове мале исторіе, коя слѣдуе, то ће се познати.

ПОЧЕТАКЪ

Г Р Ч К Е К Н Ъ И Г Е.

Наоѣаше се у то доба у Чакову некій стараць Дима Гркъ. Никадъ довека ютренья, вечерня и све, што се годъ у цркви послуче, не бы могло безъ нѣга быти; много бы пута чредный попъ безъ никаква праздника само нѣму за атаръ морао у цркву доѣи. Студень, вруѣина, блато, киша, ништа то нѣе могло нѣга зауставити, да се онъ не наѣе у време правила, и выше пута пре правила и пре него бы се црква отворила; предъ црковни врати стаяло бы га вика, и люто бы грчки псовао и ружіо попове, што закашняваю. Ове самъ речи грчке найпре научію често одъ нѣга чуюѣи: *Кашарамени пападесъ пу каѡонде мѡисмени.* Чинимисе да бы се сви Пароси Чаковачки у оно доба выше нѣговой смрти обрадовали были, него да имъ е кои найбогатіи Обркнезъ умро, тако имъ е было додію и хака дошао. *Благослови душе; Свѣше тихій, Сподоби господи и Нынѣ отпушасши,* то бы све онъ читао грчки; ако ли бы се случило, да му то кои

путь Протопопъ или кои другій Попъ отме, отишао бы срдитъ изъ цркве, као да ніе у нъойзи никакве молитве било. Онъ заисто кадъ небы се надао, да ће ако ништа баремъ: *Ничъ аполіисъ шонъ дулонъ су деспоша*, на вечерњи очитати, не бы никада на ню дошао. Овога дакле старца Диму свакій данъ слушаюћи, мало по мало привыкле су ми уши къ грчкомъ читаню; мое одъ дѣтињства природно любопитство къ свему оному, што незнамъ, почело ме е као подбоцавати, да ми е научити грчки.

Етоти срећомъ, или ти моіомъ несрећомъ (како-ћесе на ма видити) чуемъ еданпутъ, да е Грцыма дошао еданъ Даскаль, да имъ учи децу; я ти на ма сутра данъ метнемъ мой катихісисъ на греду, пакъ ти се помѣшамъ међу грчку децу, пакъ ти одемъ къ грчкомъ Даскалу учити грчки. Мога тетка Николе ніе тада было дома, а моя тета Марица, ништа се ніе мешала у мою науку; нъойзи е само мило было, да я идемъ у школу, было у кою было; а мени се учинило, да самъ тай данъ у божіемъ раю быо! Као да е душа моя пре много хіляда година у комъ *Пгѳаго-реву* ученику была, и као да е знала еданпутъ златный и славный Сократовъ и Омировъ езикъ, пакъ као да га е по напитокку воде заборављѣна заборавила, пакъ истомъ у еданпутъ опетъ као да се е съ медоточномъ сладошћу нѣговомъ састала, и съ горећимъ срцемъ и душомъ почела га учити, тако е мени было гледаюћи грчка слова, и изговараюћи: *алфа, виша, гамма, делша, Еисилон и прочая*. Како е одной молодой и милостивой матери, коя има првородно чедо свое при сиси, кадъ отиде гди у комшилукъ на часть,

успавано у колевцы мило чедо оставивши, и кадъ се врати носећи пуне прси нектара човеческогъ живота, и нађе милый плодъ утробе свое гди плаче и тужи за сисомъ, узима чедо свое къ матернимъ недрима, мило грли, сладко любви и сису му дае; тако в мени было, кадъ самъ првый путъ къ словима добродѣтелнога *Сокраша* дошао! О да на радости неисказане и блаженства неизказаногъ! И заиста такова и толика моя радость будући, морала в кратка быти. Мислю бы у себи, кадъ іоштъ, грчки научимъ, ко ће быти ученіи одъ мене! Лежећи у постельи све ми в у усты было *Алфа*, *Вита*, *Гамма*, *Делта*, *Епсилонъ*; спаваюћи саняломисе не само, као да грчки савршено читамъ, и танъ и лепше него стараць *Дима* изговарамъ, него іоште као да самъ и у грчке альине и широке димліе обученъ. Пробудившисе толмачіо самъ мой санъ на добро. Истомъ спремаюћисе, да пођемъ къ момъ даскалу, аль етоти два велика ђака изъ мое старе школе уђоше у кућу говорећи, да мой прежній магистеръ зактева самномъ разговаратисе, и да на ма пођемъ не каснећи нити одлагаюћи, еръ иначе нѣма в наложено, да ако нужда буде, силу употребе. Мой обычай нѣ быо силомъ ни съ пратнѣомъ велики ђака у школу ићи; ово в обычай быо могъ млађега брата *Луке*, да га свакогъ понедельника двоица, или дотераю у школу или довуку. Нѣ ми најболъ было, и почело ми в срце на зло слутити; но съ друге стране не обличуюћи ме моя савѣсть да самъ што зло учинію, нити знаюћи, шта ћу одъ свегъ тогъ посла мыслити, узмемъ мой катихіснсъ, отаремъ га одъ праа, нођемъ и дођемъ у мою

стару школу. Мой магистеръ, као насмеяваюћи се, пита ме, гди самъ юче бую, придодавши, да е онъ нешто начуо, но да бы радъ за веће увѣренъ, одъ мене о свему известити се. Я видимъ, да му смей не иде одъ срца, и да у нѣму има нешто усилъна и лукава, но сасвимъ тимъ познаваюћи мою невиность и не видећи ништа, чега бы се плашити могао, дамъ себи дрзновеніе, и самъ насміяваюћи се, кажем сву истину. А онъ мени: да знашь Димитріе, да люди млади, кои старіе надъ собомъ имаю, изъ свое главе ништа не валя да починю ни да предузимлю; ако ли кадъ по несрећи у таково искушеніе упадну, валя имъ дати познати, да имъ неће посао на добро изићи. Дакле да савршено упамтишь, колико истину мои речій, толико и кадъ си почео грчки учити, то ће бити садъ моя старость; ово изрекавши истомъ викне *положи!* Ова бы му горка и чемерна формула была кадъ бы заповедіо кога повалити. *Мене положи!* о положили га у носила! Мене боязльива и страшльива, кои кадъ бы за когъ другогъ ово грозно изреченіе чуо, ужаснуо бы се као да громъ близу мене падне, уздрктао бы као да ме грозница тресе. Счепаше ти ме четворица, повалише ти ме и протегоше на клупу, држећи ме тако протегнута као воловску кожу, едни за руке и за главу, а други за ноге, стаде лупня двоструке камціе по голой кожи, еднимъ словомъ да за дуго не заглушамъ, одвали ми едну дузину (дванаестъ) удараца, тако горећи, да усіято гвожђе небы могло горе жећи. Ова церемонія таку е силу на мени имала, да самъ проклиняо старца Диму, грчкогъ даскала и санъ съ димліяма; нитъ знамъ, шта се е одъ Да-

скала после тога случило, ерѣ нитѣ самъ га већъ видіо ни за нѣга чуо. На неколико година после овога приключенія едѣ се е у момъ срцу, подругій путь, желя Омирова езика пробудила; те ти истомъ у еданпуть пређемъ изъ Срема у Далмацію, изъ Далмаціе у Корфъ, изъ Корфа у Мореу, изъ Морее у Свету Гору а изъ Свете Горе у Смирну.

Страшно и силно лекарство одъ самовольице; не советуемъ родителѣ и старіе, да га употребљаваю, развѣ у крайной нужди, кое да е хотео и мой те такъ употребити, може быти, да я небы остао непоколебимъ у момъ намѣренію, да се оћу те оћу попустиничити.

КАКО САМЪ ПОСТАО

КАПАМАЦІЯ И ТРГОВАЦЪ.

Видеѣи дакле мой благодѣтель, да ніе могуѣе мени странствованѣ изъ главе извадити, и да я гледамъ свакій данъ какво благовременство, да кудъ годъ утечемъ, намысли іошть єданъ посао самномъ. Стварь е была заиста разумно помышлѣна; но као да е наданомъ некаква судбина была, коя е свимъ нѣговимъ измышляняма сметала, а мени у ономъ свемъ што наканюемъ, помагала; тако оно исто, съ чимъ е онъ быо науміо, да ме одъ мога пута одврати, мене е на истый путь метнуло и упутило. Да ми да познати, шта е туѣинство и туѣъ лебъ, одведе ме у Темишварь, и даде ме єдномъ майстору капамаціи и трговцу. Овай е имао свагда по петъ шесть момака, съ коима бы ходіо по велики пазары у Банату, а кадъ не бы было пазара, давао бы имъ шити. При овомъ самъ быо годину и по, ходеѣи по пазары и учеѣи се шити, но ништа то мени нити се милило, нить ми е

ишло одъ руке. Видеѣи мой майсторъ, да добровольно пишемъ, избрао ме е за писара, давао бы ми кое-какве старе одъ много година теѣтере, да преписуемъ, кое самъ я радо пословао, само да не шіемъ, и еспапъ да не намештамъ, што ми ніе нимало по ѣуди было; едва бы чекао, да неделя или кои празникъ доѣе, не да идемъ съ други момцы по Маали или Фабрики шетати се, но да се начитамъ псалтира и катихісиса. Мой бы баба Никола често долазіо видити ме, поразговоріо бы се самномъ, и пытао бы ме, како ми е; и не опажуюѣи у мени желю, да се к нѣму вратимъ, посовѣтовао бы ме да будемъ вѣранъ и послушанъ, дао бы ми кои грошиѣ, пакъ отишао.

Я находеѣи се у овомъ новомъ станю живлѣня, ходеѣи по различни пазары, гледаюѣи свакояке люде, и нѣова упражнѣнїя, чуюѣи многе у Темишвару, да говоре немачки, и солдате Талианце талиански, почела се раѣати у мени желя, како бы могао ова два езика научити. Не читаюѣи выше пролога ни поученїя, неимаюѣи времена о овима стварма мыслити, нити коме, што самъ пре читао казивати, ербо други момцы мои камаради, продаваюѣи женама и девойкама, Немицама и Влаиняма, по вазданъ бы се съ нѣима шалили и смеяли, нити бы кадъ имали волъ што светивско слушати. На овай начинъ почео самъ се быо као забравляти; и прва топлота къ пустиничеству и къ цештерама почела е у мени сасвимъ ладнити. При свемъ томъ видеѣи и калуѣере, колико странске толмо и наше земальце, да се сви за ствари овога света стараю, купе милостиню, брое новце, пазаре и куцую, на добри конѣи или се возе или яшу, почео

самъ размышлявати сврхъ речи бабе Николе, да се садъ нико не калуђери да се посвети. Юштъ къ тому єданъ особитый случай дао ми є много мыслити сврху калуђерскога чина.

Мой майсторъ имао є свой дућанъ у кућама господара Јове Муцула. Овай частећи єданпутъ нашега тадашнѣга Епископа *Георгіа Поповића*, и я имаюћи познанство са слугама дома, помешао самъ се съ нѣма, као подъ именовъ, да ћу што послужити, пошао самъ гледати Владiku на части. Између прочи разны разговора при концу обѣда, по случаю уведе се овай знаменитый разговоръ, кога самъ врло добро слушао и упамтiо, и заисто достоянъ є, да га овде опишемъ: *Епископъ*: „Мене многи осуђую, што я публично месо едемъ; но я волимъ да ме люди за свою простоту осуђаваю, него да ме моя савѣсть обличава и осуђава, кадъ бы потайно и крадомъ єо; Христосъ и Апостоли єли су месо, зашто дакле Епископи да не єду? или се заръ хоће да смо мы больи одъ Апостола? У време Апостола, и триста и выще година после нѣй Епископи су были мирски поглавити Свештеницы, и имали су свое жене; видимо да по првомъ Нїкейскомъ собору, отаць светога Григоріа Богослова Назіанзина, у чесномъ браку живећи Епископъ є бую, и сынове и кћери изродіо. Тако братъ великога Васілія, тако светый Спиридонъ, и многи други. *Апостолъ Павле* явно учи да Епископъ, Пресвитерп, и Дяконъ мора быти оженѣнъ, и томе придодає узрокъ говорећи, ко нїе кадаръ своимъ домом и фамиліомъ управляти, како ће онъ быти вреданъ црквомъ и народомъ управляти? Види се дакле, да су Епископи први поглавити мир-

ски Свештеницы; Епископъ ништа друго не значи, него надзиратель, а Архіерей ће рећи начальный Іерей; а после кадъ су се калуђери почели множити, и Архіерейска достоинства примати, мало помало увео се обычай, да Епископъ мора бити монахъ, противъ явне науке Апостолске, по којој науцы и по правој правици и суду здравога разума, Епископъ не може ни пошто бити монахъ. Онъ ніе одређенъ, да у пустинњи живи, него у миру, у градовы, и у селы, међу людма и женама; и човекъ будући одъ тела и крви, како га є Богъ створио, ако ніе оженѣнъ, у векикомъ бѣдствованію находи се. Монахъ ће рећи самъ, илити єдинаць и саможиваць, комъ є мѣсто пустиня, планина, уединѣніе и самоћа, кои се одрекао света и пребываня съ людма, кои постомъ, неснавѣмъ и непрестанымъ трудомъ, валя тако да осуши тѣло свое, да му се (како вели светый Ефремъ) грбу за леђа прилепи, и тако сувъ и окорео іоштъ не валя да се у себе поузда, нити да изиђе предъ женске очи, кое су пуне магнета, и cadre су найсувлѣмъ тѣлу животъ и движеніе дати.“ На ове речи доброгъ и простосердачногъ Епископа, сви кои су были при трапези, почели су се кренко смеяти. Госпођа Калиновићка, сестра домаћинова, уздржавајући се одъ смея почне беседити: „Преосвештеный Господине! Како насъ Вы описуете, мы смо жене на пакость свету, и имаюћи таке зле и пакосне очи, не бы ли болѣ было, да се слепе рађамо?“ „Не дао Богъ, мой синко, одговоріо є добрый Епископъ; болѣ бы было да полакъ сунца потамни, него да лешна половица човеческога рода безъ света остане; зна Богъ што чини; алъ, како я видимъ, вы мое

речи на шалу окрећете; но вѣруйте ми чада моя, да я безъ сваке шале беседимъ. А што се каса женски очію, оне неваля да се съ нѣима одвећъ понесе; што су годъ женске очи човеку, то су и човечіе жени. Ова сѹмпатіа или ти сострастіе, уливена е одъ Бога у естество човеческо за умноженіе и сохраненіе рода: многа старость, трудъ и мука потребна е, за одржити и до савршена возраста довести чада своя, а осимъ тога, коликимъ бѣдствованіама и болестима подложна е свака мати, носећи у себи и ранећи плодъ утробе своје; коликомъ болу у рађаню! Често даюћи другомъ животъ, свой полагае. За ова сва страданя хотео е милостивый твораць учинити и неку награду човеку и жени, давши имъ велико и неисказано наслажденіе: у очима, у грлѣню, у люблѣню, и у свакомъ наслађеню, кое у чистоме и светомъ брачномъ саюзу уживаю; кою радость чувствујући, не само добровольно но и радостно подносе труде, кои слѣдую. Млади люди, колико мужка, толико и женска страна, мало што друго сматраю и виде у брачномъ саѣдиненію и саюзу, него смей, игру и наслажденіе, то и находе; но овноіе главно намѣренѣ и последный конацъ естества; изъ нѣіова смей, игре и сласти, происходе нови жители света и наслѣдницы живота: ово е по воли божіой намѣренѣ естества, не само при людма, него и при свему што живи по воздуху, на земљи и у води. Младъ човекъ и неразуманъ, гледа прси женске, као да нису ни зашто друго ту, него да накићене и украшене цвећемъ, увеселяваю и наслађаваю очи нѣгове; а разуманъ и паметанъ, коега умъ далъ пролази, и не зауставля се при свакомъ предмету, кои му у очи

пада, о колико другоячіє гледа те прси! кое превысоко и пресвето намѣреніє блаженога естества! кое смотреніє, колику милость и неизречену благодать вѣчнаго творца онъ находи у онима милимъ прсима! сматра и види у нѣима два богодана источника живота, колико свога толико свега човѣческаго рода. Лепа є и благородна добродѣтель благодарность! А комъ смо выше благодарности после Бога дужни, него женскимъ прсима? Неблагодаранъ є и недостоянъ човекомъ називати се, кои се тога благодѣянїя не споминъ. Моє кѣри, кадъ бы вы управъ размыслиле и разсудиле, за кою сте високу одреду одъ Бога саздане, не бы вамъ имала кадъ ни наумъ насти обрва, очію и прочегъ тела лепота; вы бы се стидиле, некакво достоинство у свиленимъ и шаренимъ альбинама искати! *И нарече Богъ првой жени име живощъ, єръ є она маши свію кои на земљи живе.* Ево ваша слава, и високо достоинство, кое чини, да сви народи краснонаравни и просвештени, вамъ свако высокопочитаніє показую, и да вамъ се кланяю.“

„Но шта я то видимъ? неке одъ госпођа као да сузе отиру! Тако ми Хріста Владике, то ніє право; да вы мене частите, а да я васъ чинимъ плакати! Дайте децо пити!“ Пакъ се онда окрене къ Госпођи дома, говорећи: како я видимъ, я самъ васъ съ моіомъ беседомъ у невесель довео; не замѣрите ми, ніє то моя намѣра била, али што ћешъ, тақи су стари люди, а навластито при вину, кадъ што почну, не уму свршити: нуто мога посла! за часть и гоштенѣ чинимъ люде невеселе. Онда госпођа дома устане, цѣлує владики десницу говорећи: „Милостивый нашъ

и светый госту, не частимо мы Ваше Преосвещенство толико, колико насъ вы частите съ отеческомъ бесѣдомъ! и да намъ нѣ жао, да се одвећъ не трудите, мы се сви не бы наситили вашего разговора.“ Владика испивши чашу, почне све друге канити, чада моя, будимо весели; Србљи гди су годъ, мило имъ є вино; ваистину божію, имаю право, зна светый царъ, што говори: *и вино весели срце човека*; ништа ти нѣ горе одъ невесела и намргођена човека. А ты отуда старый Маленица, яданъ, што си умукао? не болули те већъ уста одъ толикогъ ѣутаня? ты самъ кажешъ, да бы волю цѣлый данъ не єсти, него єданъ сатъ не говорити; а кадъ се беседе већма рађаю, него при вину? *Маленица*: Дао самъ се у мысли Господине, у мысли! нити ми є садъ до пића ни до разговора. *Епископъ*: У какве мысли? у време части и веселя! то нѣ твой обычай, а и непристой. *Мал.*: „та знамъ и самъ Господине, да нестой лепо, али ко се не бы дао у мысли, слушаюћи те разговоре: моя срећа, те ји нисамъ чуо, докъ самъ младъ бую, еръ се никадъ не бы смео додирнути прсію мое младе, него бы имъ се морао кланяти као икони. Садъ не маримъ, могу имъ се кланяти, еръ самъ остарио.“

Нико нѣ се мого одъ смей уздржати на овај Маленичинъ одговоръ; и самъ Епископъ по дугомъ сміяню, окрене се домаћину: єли господару јово, овде є болъ да старый Маленица беседи, кои узрокуе смей и веселъ, а я мой разговоръ валя на друго време да одложимъ. *Мал.*: „Немой Преосвещеный и милый господине, тако ти твое душе! него ако ти само нѣ трудно, говорити и наслађуй насъ съ твоіомъ бесе-

домъ. Камо срећа, да самъ изъ дѣтињства и младости таке разговоре слушао, чини ми се дабы болѣ познавао, шта е воля божія, и зашто смо на овај светъ створени. Кадъ промыслимъ, како самъ провео младость, како самъ мыслио и живовао, самъ се на себе гадимъ, ерѣ се ни зашто друго нисамъ старао, него како љу добре волове познавати; како љу ии ефтино купити, а скупо продати; нити ми е кадъ овај светъ и другій животъ на умъ падао. Него говори намъ свѣтый Владико, тако намъ живѣ быо, да баремъ у старости што добро почнемъ мислити; и то ми ние мало утѣшенія, да ће младежъ коя те слуша, боля и паметнія быти, и даће као разумни и прави люди мислити.“ *Епископъ*: „Добро; кадъ си и ты наше госпође домаћице мысли, уздамъ се да и прочимъ гостима неће неугодно быти, да съ беседама еданъ другомъ ползуемо: а то е наша Архіерейска найвећа дужность, на свакомъ месту и у свако време ползу браће наше и млађи наши искати; и пре него се вратимъ на мое прво говоренѣ, валя ми на твоя два пункта одговорити: еданъ, што си шалећи се рекао за прси друга твога; а други, у комъ жалишѣ, што си зло твою младость провео. Што се првога каса, врло е мало потреба говорити, ерѣ самъ я мало powyше казао, да е люблѣнѣ и грлѣнѣ вѣрни и любезни супруга одъ самога Бога не само допуштено, но благословено, посвећено и заповећено, каноти едно и само средство, чрезъ кое благій Творацъ нова створеня изъ небытія у бытіе производи. Ерѣ како бы се иначе Богъ славіо, кадъ небы было живы а иначе словесни на свету створеня? Кои да нейма, вѣчный Богъ чій

бы Богъ быо? не бы могао быти ни благъ ни милостивъ, ни праведанъ, не излйваюћи ни накого милость и благость свою, и не показуюћи никомъ правду свою; дакле изъ овога слѣдуе, да су Богу потребна словесна створеня, коя ће га познавати и славити, између кои є едно и човекъ: а човекъ (будући да є тако воля Божія) не може иначе на светъ произићи и постати, развѣ одъ оца и матере рођенъ; изъ овога се ясно како сунце види, колико мора быти Богу угодно и мило, брачно и законно човека и жене соединеніе и милованъ, чрезъ кое Богъ быва людіи творацъ: све дакле што быва у брачномъ соединенію, одъ Бога є установљено, посвећено, и заповеђено. Светость брака, браћо и чада моя, светость чина родителейа и матернѣга, превосходи све друге светинѣ! нађите ми єдногъ свеца или праведника, кои се є нерођенъ посветіо, и правду творіо; онака є и безъ свакога разума гордость, своє рођенъ похуђавати! Дакле ты се старче неправо тужишъ на мое говоренъ, кое велишъ, да си у младости чуо, небы смео у ирси младе твоє дирати; а мени се види, да самъ и оно друго чисто србски казао, да сва у супружеству наслађеня, єсу праведне награде, за труде и муке, кое су съ супружествомъ соединѣне; само самъ я то хотео рећи, да онде гди простъ человекъ ништа не види, него смей и игру, онде разуманъ види и познає превысока намѣренія єстества, и неисказану Бога творца милость. Ово є све апостоль добро познао, зато и вели, да є бракъ *Тайна велика.*“

„А што напоминѣшъ за твоє волове, купованъ и продаванъ, истина да и у томе добродѣтелянъ человекъ

валя да пази и не прелази мѣру, и да по савѣсти сво-
іой поступа, но што ћемо мы томе? ово е законъ тр-
говачкога заната, ко купуе радъ бы ефтино купити, а
ко продає, жели скупо продати. Стећи благо и нов-
це поштено тргуюћи и трудећисе, то зависи съ єдне
стране одъ човечіе вредности, а съ друге одъ обсто-
ятелства, у којима се наоди. Гди се велике трговине
чине, ту вреданъ човекъ може и стећи, и ово е вред-
ность; а добродѣтель е стечено на добро употребити,
слабога одъ силнога чуваюћи, невольну помажући, одъ
сиромашства поштене фамиліе избавляюћи, науку у
родъ свой уводећи: єднымъ словомъ, блаженъ онай
богатъ, кои съ праведнымъ *Іовомъ* може рећи: *Быо
самъ слепомъ око, а ромоме нога, сироши и удовицы
быо самъ ошацъ.* Блаженъ ко многе сироте девојке
као родитель уда и удоми, светымъ брачнымъ сою-
зомъ многе парове соединяваюћи, и нѣи као чада своя
богоподобнымъ гласомъ благосиляюћи, и говорећи: ра-
стите се децо моя и плодите се, и напуняйте отече-
ство съ добродѣтелны и боголюбны жители, подайте
свету словесна и разумна створеня, коя ће Бога по-
знавати, любити и славити. Блаженъ и благополу-
чанъ онай богатъ, кои сироте младиће рода свога,
кадъ види да имаю даръ и склоность къ науцы, на
науку дає, говорећи имъ: идите децо моя, учите се,
Богъ вамъ чрезъ мене къ томе помоћъ дає, зато и-
майте Бога свагда предъ очима, укланяйте се зла
дружства, и чувайте се злы обычая, радите да наука
ваша на славу Божию и на ползу отечества буде.
Сврхъ свега учите се добродѣтельнымъ и поштенимъ
наравомъ, настойте и трудите се, да наука ваша бу-

де као чистый зракъ сунца, коя ће мракъ незнаня, неразумія и злобе између браће ваше изагнати, а светъ разума, чловѣколюбія међу нѣи увести и укоренити. Ево мой Маленица, и прочи кои ме слушате, добродѣтельно и богоугодно богатства употребленіе; ево коєга я богата среѣна вменявамъ и наричемъ.“

Маленицы, кои за стеѣи силу дуката вреданъ е быо и кадаръ, но за употребити ѣи на овай начинъ, нѣе нимало среѣанъ быо, еръ кадъ бы ѣи еданпутъ у кесе запечатіо, и у гвозденый сандукъ сложіо, небы выше смео у нѣи, као у жеравицу дирнути, нѣе сасвимъ по ѣуди быо овай последний разговоръ, кога за прекратити и на кою другу страну окренути, како види, да Владика мало за одпочинути престане, и заиште пити, на ма' поити и ово пытанъ учини: *Мал:* Будуѣи дакле господине да е бракъ света и велика тайна, и не будуѣи Епископомъ како и другимъ свештеникомъ не само забранѣнъ, него іоште чрезъ Апостола Павла очевидно заповеѣенъ, како се тай непоредакъ и несреѣа учини, те Епископомъ жене отеше? и шта валя да мыслимо одъ калуѣерскога чина? *Епископъ:* „Две ствари у исто време пыташъ, одъ кои само за єдну небы намъ доста было да до ноѣи беседимо. А да ти право речемъ, говорѣи чистосердечно и безъ свакога пристрастія и лицемерія, сврхъ овы стварій може ко помыслити, да новине некакве мудруемъ: но я никако не видимъ, како бы я могао новине мудровати, потврѣиваюѣи оно исто, што самъ Сосудъ изабраный, Апостоль Павле учи и проповѣда. Обычай, мой Маленица, обычай, кои превелику силу надъ людма има, свему е узрокъ. Између првы ка-

луђера многи учени будући, и доброга житія, избира-
ни су были на Архіерейства, како Василіе великій, ко-
ега е братъ быю Епископъ оженѣнъ; како Григоріе Бо-
гословъ Мазіанзинъ, коега отаць Епископъ будући и
оженѣнъ, изродіо е многе синове и кѣри, овай ве-
лимъ Василіе великій и Григоріе монаси будући, за
ньюву велику науку и добродѣтель, и други многи не-
сженѣни избирани су были на Архіерейства, и тако
мало по мало, сва ова достоинства преузели су калу-
ђери, и ево како ти се увео савршеный и обштый о-
бычай, докъ су се люди и народъ обыкли мыслити,
да у неженитѣи стои велика светиня, и тако лишили
су сасвимъ Свештенике оженѣне Епископскога досто-
инства. И за учинити, да овай обычай остане вѣчанъ,
рекли су, да е тако Духъ светый чрезъ свете оце у-
становіо. Но ніе ли намъ слободно разсудити, ели мо-
гуће, да Духъ светый другчіе чрезъ Апостола Павла
учи и узаконява, а другоаче чрезъ свете оце? на о-
вай начинъ Духъ бы светый самомъ себи противречію,
данасъ на еданъ начинъ учећи, а сутра на другій, и
небы му се могло ни у другой ствари вѣровати; но
то ніе могуће ни помыслити; што годъ Духъ светый
еданпутъ узакони и установи, то мора во вѣкъ вѣ-
ка непоколебимо и свето остати. Люди често кратъ
сами себи противорече и противъ узаконяваю, ерѣ
су люди, подложни погрешкама; а Духъ Божіи, вѣчна
истина, безгрѣшный и савршеный, никадъ ни у чему
нити може, нити хоће себи противречити ни проти-
в'узаконявати, нити у чемъ погрешити; зато дакле
ако су свети оцы у чемъ годъ противъ науке Апосто-
ла Павла поступили, нека ми опросте, они су могли

као люди у томъ погрешити, противъ явне Духа светого науке, чрезъ Апостола Павла предате, мудруюћи и установляваюћи. Богъ ми е свидѣтель, кои ће ме по мојој савѣсти судити, да не говоримъ ни изъ злобе ни изъ пристрастія, но изъ правога здравога разума, и изъ любви къ божіој истини. Али е было много светы отаца? ништа то не чини, да ѿ хиляду пута толико было, да се савъ светъ сложи, да анђеосъ неба дође, и да учи што противъ апостолске науке, не валя примити ни вѣровати: ово не велимъ я, него самый Духъ светый изъ уста Апостола Павла: Немойте свакомъ духу вѣровати, но искушавайте, ели одъ Бога, учи насъ истый онай, кои е изъ прсію Спасителъвы мудрость почерпао, *Іоанъ Богословъ*. Како ћемо ѿ дакле искушавати? Ево како, валя одбацѣти свакій детинскій страхъ, и по правому и здравому разуму разсудити, оно што се учи, ели могуће? Ако не могуће, не одъ Бога. Богъ е праведанъ, никадъ не заповѣда оно што се не може; ели согласно првой науцы светого Духа, и ако не, не одъ Бога; Богъ свою волю никадъ не меня. Оно што се учи, ели полезно? и ако не, не одъ Бога; Богъ е милостивъ и человеклюбацъ, ништа не заповѣда, што не людма на велико добро и ползу. Но веле намъ, валя вѣровати *слепо*. Чудновато зактеванъ! Богъ ми е дао очи тѣлесне, да съ нѣима гледамъ и видимъ, и душевне разумъ, да съ нѣимъ судимъ и разсуђуемъ. Христосъ е дошао, и по себи Апостоле по свету разаслад, да светъ одъ слепоте избаве, и не у слепоту да доведу, зашто дакле да слепо вѣруемъ? *Я самъ свѣшъ свѣша*, говори Спаситель, *ко замномъ ходи, неће се наћи у*

шамп. Свака правда и истина свет любви и светъ иште. Изъ овога свега ко оће може добро познати, да честный и светый бракъ Архіереємъ не може никадъ до вѣка забранѣнъ быти, и да мірски Свештеницы у честномъ браку живеѣи, чада рађаюѣи, и домъ свой управляюѣи, могу Архіереи и Архіепіскопи быти. Ово говореѣи не противим се, да и неженѣни могу на ова достоинства доѣи, ако су добродѣтели и достойни.“

„*Яня кулуција*: Господине, ако то чую наши грчки Архіереи да мудруешъ, оће те проклети. *Епископъ*: „Неће Яньо мой, они кои су наметни и кои правду любе; ако ли за ово мудрованѣ прокуну мене, мораю проклети и Апостола Павла. А вѣруй ты мени, да сам я познавао многе Грчке Архіерее, кои правду любе, и кои другоячѣе починю мыслити. Правда да се наоди и таки, кои колико выше друге проклиню, толико имъ се чини да су больи Хрістяни и ревнительи, и играю се съ анаѣемама, као деца съ лешњицы, но докъ мене моя савестъ не обличава, я се никога не боимъ; боль бы много было, да нису никадъ были тако богати съ анаѣемама. Хрістосъ намъ заповѣда, да мы никога не проклинемо, но и неприятелѣ наше и оне кои насъ проклиню, да благосилямо. Богъ праведный и милостивый саздао є човека слободна, дао му умъ и разумъ, да га у свако време воде и просвештаваю; стари су мыслили за себе, а мы валя да мыслимо за насъ; нисмо ни мы одъ паня отесани, люди смо словесни, умомъ и разумомъ одъ Бога одарени, а при томъ имамо у руку Еванѣліє Хрістово и Апостолске науке; што є дакле потреба, да насъ други за носъ вуку? Нити є право ни поштено. Но о томъ за насъ

доста: упамтите вы мою речъ, мало ће време проћи, да ће Србски Архіереи ести месо како годъ и Грчки што еду, и нико се томе неће чудити ни соблазнявати: што е годъ обычай увео, то ће обычай и изтребити.

„Некдертъ дођемо садъ къ калуђерима. Само пре него почнемо о овой матеріи беседити, ово назначите. Човеку кадъ се што у ноћи привиди, шта е потреба да чини? да се нимало не плаши, но да слободно приступи къ ономъ, што му се привиди пакъ ће на ма познати, да оно што му се привидило, или е сѣнь, или пань, или каква годъ стварь, одъ кое нимало нема узрока страшите се. На истый начинъ, о чемъ мыслимо разсуђавати, не валя се ни мало страшити, него сваку суевѣрицу одбацити, слободно приступити съ богоданымъ разумомъ, изблиза и са свы страна гледати и познати. Србљи или изговараю калуђертъ, или као неки други калуђуръ; не знаду, шта раде, нити изговараю како валя; ово е грчка речъ, и ко оће управъ да е изговори, валя да рекне калогеросъ, а то ће рећи, добаръ стараць; а монахъ или управъ Монахосъ, значи самъ, илити самаць. По самомъ имену види се, шта е човекъ, кои се одрекао свега света, и што е годъ у свету, кои ни зашто друго нити мисли нити се стара, кромъ да спасе душу свою; самъ, самаць, и саможиваць у цѣломъ животу своме валя да остане, и нипошто да се не да видити у міру, у граду, нити у селу. Не стараюћи се ни за когъ жива не валя никомъ живу да е на теготу; трудомъ свои руку валя да се рани, а ране му само толико валя, колико да е едва живъ, ербо е нѣму потреба, за осушити све човеческе страсти, осушити сасвимъ тѣло

своє; кромѣ єдне саме альине за покрити тѣлесну наготу, ништа друго не валя да има, одрекао се не само света и што є годъ у свету, него и самога себе, безъ куће и безъ кућишта, безъ ватре и безъ огњишта, као птица усамљена и уединѣна у гори, животъ валя да проведе, а одъ жене валя да се чува као одъ живе ватре, и да бѣжи одъ нѣ, докъ є годъ живъ, безъ свакогъ обзира; име ни альина женска да му никадъ на паметъ не дође. Ево каква жестока правила они сами на себе налажу, и овако су први Монаси по Египетскимъ и по Ливійскимъ живили пустињама. Съ временомъ кадъ су постала царства Христянска, видећи поглавари колико мѣрски толико и црковни, да мноштво ови самаца, живећи сваки о својој глави, не чине никакво добро, но смутнѣ, буне и кавге, стерали су их у манастире, и убѣдили, да и они између себе у обштеству живе, и да мораю быти подложни єдномъ Игуману, или Архимандриту. Различни Цари и поглавари, мислећи да у томе некакву задужбину чине, саздали су имъ съ великимъ трошкомъ велике манастире, дали су имъ изъ почетка њиве и винограде, а потомъ села и люде, да имъ работаю. У овомъ зиданю и обогаћаваню манастира Цари и Кральи єданъ за другимъ су се надмевали, ко ће лепше сазидати и выше дати; тако да ови самци и сиромаси нашли су се съ временомъ у толикомъ изобилю и богатству, да Цари и Кральи у потребама помоћ су одъ њих искали. Ево дакле моя децо, што чини мало по мало обичай.“

„Ови дакле самцы у прво време толико сиромаси, кадъ су постали силни и богати, неимаюћи ника-

ква посла, почели су свакояко живити. Съ временомъ находили су се мудри Цари, колико у Цариграду толико и у другимъ царствама, кои видећи да су ови добри старцы са свимъ изишли изъ свои предѣла, и почели противъ свога званія и дужности живити, хотели су њи на больій путь метнути, но наодили су се съ њима у невољи. Ко е читао руску історію, могао е познати, колику е старость имао премудри и великій Царъ *Петаръ*, за умалити у свомъ царству множество манастира и самаца; узео имъ е сва села и иманя, и оне, коє е быо принуђенъ за време оставити, метнуо е у больи поредакъ, у подчинѣніе и подъ регулу; и за не продужавати одвећъ беседу, шта су у прво време были монаси, шта су съ временомъ постали, шта ли бы валяло да су, могли стеласно познати; а шта су данасъ у наше време, ніе потреба говорити, сви видимо; ето видите оца Н. изъ манастира Н. изъ Фрушке горе, кои е одъ найимућніи манастира у Срему; иъговъ игуманъ послао га е къ мени, и пише ми молећи ме, да му допустимъ просити милостиню по Банату, заклинаюћи се, да другда нема зашто купити соли; явля ми да зида едну качару, и молиме саборно, да я будемъ качари ктиторъ, еръ имъ стое бурадъ и каце на пољу.“

„Тако ми Христа Спасителя, срамота целогъ сръскогъ рода; люди здрави читави, ни слепи, ни роми, ни сакати, имаюћи прекрасне грунтове, съ коима бы многе фамиліе изобилно могле живити, данакъ Цару плаћаюћи, дечицу свою ранећи, и убогимъ помажући; калуђери сами безъ прошиъ не могу живити; како е калуђеръ, мора быти просякъ: обараю, зидаю, праве

поправляю, за све то валя да просе; та и други люди зидаю и праве, али не просе! а одъ кога ће просити? Одъ родителя обременѣны съ фамиліяма! одъ удовице, коя се стара, како ће кѣри свое удомити! а ко проси? монахъ, самацъ, кои се свега у свету одрекао, и нема ни зашто друго старати се, кромъ за самый свой трбу. Ко проси? човекъ Србинъ! себе тако похудити, и бѣднымъ просякомъ учинити! Покоръ и срамота србскомъ имену! баремъ некъ се како другчіе зове, и нека не срамоти родъ свой.“

„Садъ сами по души предъ праведнымъ судіом Богомъ, кои ће насъ све судити, разсудите, не бы ли болъ было, да таки калуђера нема на свету? Небы ли болъ было, на манастирске грунтове фамиліе населити, а манастире у школе, у шпиталъ, и у воспиталишта сироте народнѣ дѣце преобратити? О всемогущій Боже, даюћи Царе свету, подай имъ и духъ Петра Великога: *Познайше дрво одъ плода нѣгова*, говори свето Еванђеліе; *неплодно се дрво сѣче, и на ваитру меће*. Но народъ изъ свое простоте мысли, ако нестане међу нѣма калуђера, нестане вѣре и закона; што веле? моле се Богу за насъ. Е моя браћо, тешко ономъ, ко хоће да се за нѣга другій Богу моли! да за тебе другій еде и слава, ниси радъ; а оно што ти є найполезніе и найпотребніе, оћешъ да другій за те ради! Мой Хрістянине, да ты знашъ, како є твоя у две три речи молитва Богу сладка и благопріятна, кадъ ты поштено и праведно живишь, и зноємъ лица твога ранишь чада твоя! Колико ли є богоугодна кратка молитва вѣрнага солдата, кои иде за отечество свое и за Цара свога крвь свою пролити! О света и

боголюбезна молитва добродѣтелне матере, коя едно чедо свое дои, а другомъ ести дае, и у школу га опра-вля! Но валя тринити, докъ народъ тако оѣе.“ *Архімандритъ Бездинскій*. По Вашимъ речма Господине, валяло бы колико данасъ истребити све калуѣере?“ *Епископъ*. По моимъ речма? Е мой брате, сами сте се давно и давно истребили, нити сте чекали мои речи! *Архимъ*: Како Преосвещеный Господине, не разумѣмъ што съ тимъ мыслите? *Епископъ*: Кажи ми по души Архимандрите, може ли еданъ човекъ лѣкаръ быти, само зашто се називлѣ лѣкаръ, а лѣкарства никадъ нѣ научю, нити зна шта е? *Архимъ*: Никако. *Еп*: Нити бы ты себе дао болесна у руке такомъ лѣкару? *Архимъ*: Съ опроштенѣмъ Господине! ни коня мога нѣ бы я дао такомъ лѣкару, некамо ли тело мое. *Еп*: А кадъ купишъ какву лепу и скупу матерію за альине, были е дао едномъ терзіи, кои се само зове терзія и држи у руци великій аршинъ и маказе, а не зна ни шити? *Архимъ*: Такого бы я терзію съ нѣговымъ истымъ аршиномъ по леѣи. *Еп*: Дакле лѣкаръ, кои се само зове лѣкаръ, а не зна лечити, и терзія, кои се само нариче терзія, нити зна терзилука, они нису то што се називаю? *Архимъ*: Ни нѣшто. *Еп*: Кадъ бы те поставили судіомъ, шта бы ты по твоіой савести такимъ людма судіо? *Архимъ*: За нѣіова лажна имена бы іи наказао, и дао бы имъ крепку заповѣдь, подъ жестокимъ наказаніемъ, да се нишошто не усуде у на-предакъ називати се то што нису. *Еп*: Видишъ ли Архимандрите, како право судишъ, кадъ оѣешъ, и тако сваки човекъ, имаюћи здравъ разумъ, ако хоѣе може право судити, ако ли неѣе, криво и неправедно

чини, светъ разума и рассуђеня, кога му е Богъ дао, угашаваюћи, и найвећий божий даръ подь ноге газећи. Калуђеръ дакле, кои само камилавку носи и црне хальине, и само се нариче калуђеръ и самацъ, кои се само устма и словомъ одрекао света, а дѣломъ выше тражи светъ и светске ствари, него мірски люди, и што е іоштъ найгоре, неправедно иште и тражи туђъ трудъ, зной и муку безъ сваке срамоте желећи и иштући, я те не пытамъ, єли снъ монахъ, ни єли онъ добрый старацъ, него єли достоянъ поштеннымъ човекомъ називати се? Памтишь ли іоште, шта си одсудіо лѣкару и терзиі? можешъ ли садъ разумѣти, шта я мыслимъ говорећи, да су се сами калуђери давно и предавно истребили? *Архим:* Господине, на мою душу, имате право, божія истина изъ Ваши уста беседи, камо срећа, да сви Архіереи тако мысле! я бы се на ма' оженію. *Еп:* Тако, тако, мой Архимандрите, и я бы те свѣтовао; єръ каква си ты тѣла и памети, ако желишь добра своіой души, или валя да се оженишь, или да се даш ушкопити, иначе ніе файде одъ тебе, тебе Богъ ніе за дѣвство ни за калуђерство створію. Архимандритъ чуюћи речъ, да се да ушкопити, згрози се и затресе, као да га грозница спопадне, пакъ одговори крстећи се: Богъ самномъ Господине! волю бы да ми се уши одрежу, него да ме ушкопе. На ове речи Архимандритове, кое є съ такимъ смѣшнымъ, намргођенымъ и као уплашенымъ образомъ изрекао, учини се єданъ обштенародный смей: господари, госпође, локаи, слуге, све се то почне єднымъ грломъ сміяти; а што є іоштъ найсмешніе было, Яня Гркъ седећи башъ до Маленице, у исто вре-

ме почео е было пити, имаюћи пуна уста вина, и не могући одъ смей уздржати се, окрене се у итости, да не попрска асталъ, пакъ прене са свимъ виномъ изъ уста на Маленицу, и свега ти га по устма, по очима, по образу и по алына попрска. Даємъ мыслити, какавъ се ту калабалукъ, вика и смей учини. Маленица псуе и ружи Яню говорећи, кои му врагъ рече башъ у време такога смей пити! Яня са свое стране, изпричава се и правда одговараюћи, да е онъ почео было пре смеяня пити, кое ніе могао предвидити; а добромъ Епископу сузе су текле одъ тешкогъ смеяня.

У овомъ смею, инату и правданю прошло е позадуго, разговоръ е было кое о чемъ, а найвыше Архимандрита су были на смей узели, како се было одъ имена шкоплѣня препао. Маленица пошто се уміе отаре и одъ кавге и вике утоли, предузме речъ говорећи: съ мое стране, нека бы было іоштъ толико ту калуђера колико іи е, само да не ишту и не просіяче! али насъ съ тимъ срамоте, и лепо су већъ додіяли, да бы человекъ волю видити татарина него калуђера. *Архим:* Мучи Бога ти Господару Маленица, еръ одъ тебе ће за луду искати; не изъ Єрусалима и Свете Горе, него съ неба да дође калуђеръ, ты му не бы дао пребіену грешльику ни сломлѣна новца. *Мал:* И не бы не бойсе, не бы! камо срећа, да сви чине као я, не бы се никадъ увео было такій обычай, да су сви калуђери просяцы! Добро си учинію, што си напоменуо Светогорце! то су ти найвеће араміе света; неки одъ ный имаю по четрдесетъ и powyше кеса, пакъ све иду те просе на манастиръ, а свое новце (кое се не сраме звати свое) не даду у манастиръ, него на ин-

тересъ, да имъ се плоде. Остаре и огрбаве просећи, нити имъ є кадъ могуће одъ прошнѣ одустати. На мою грешну душу, као да су насъ одъ Бога узели подъ аренду, глобе и деру вилаѣтъ ни кривѣ ни дужанѣ, пакъ шта веле? Турцима даємо! Пропали и вы и Турцы, да Богъ да и сви свецы! И колено вамъ се затрло! Насъ є Богъ избавіо Турака; а калуѣери насъ лепо наочигледце подъ лютымъ турскимъ арачемъ држе, и не даду оданути! єдва се єданъ сметне съ врата, аль етоти двоица трче да узяшу! Богъ іи знао, одъ кудъ изничу и произлазе, валя да се и они зарѣ негди плоде! Лете єданъ за другимъ као гаврани, пакъ све истражую гди є ко умро, ни на ономъ свету душа човечія одъ нѣи съ миромъ не може остати; валя да одъ нѣи паспортѣ узме, ако мысли предъ Бога изићи; пакъ дасе оѣе єданъ, нека бы и то, но нїе доста ни стотина. Кажу за некаква митарства по воздуху, три велика а тридесетъ малы; да є и нѣій толико, млого бы іи было, аль опетъ бы се ко надао, да ѣе іи се кадъ годъ курталисати; но нѣима нема ни края ни конца. Парусіе, саландари, проскомидіе, и другоячія коєкаква имена, измышлѣна за глобити живе и мртве; то су ти твои Єрусалимцы! и Светогорцы! Будакъ нѣима валя и мотика, нека раде као и други люди. Пакъ ми нїе чудо другимъ народима, него се чудимъ србскомъ сину, како може себе тако похудити, и безъ сваке неволѣ просякомъ учинити! Али право веле, кадъ се човекъ покалуѣери, одрече се и свога рода.“ Сирома Архімандритъ нашао се бью у беди съ Маленицомъ, не знаюћи, шта ѣе му одговорити, ни како ѣе га съ врата сметнути. Владика видећи га са свимъ

забунѣна, дође му на помоћъ. *Епископъ*: Доста већь Маленица кукавче, ала си брате као олуя! тешко ономъ кога ты окупишь и запопаднешь; лашнѣ бы ко одъ гладна медведа утекао него одъ тебе; а да право речемо, нису свему ни калуђери криви, него зао обычай, кои се увео; люди су сами, како самъ выше рекао, почели у манастире давати, препоручуюћи се монахомъ на нѣгове молитве, докъ су се и они обикли узимати, и молитве своѣ продавати; што ко има, оно и продае. *Мал.*: Какъ докле ће тай обычай траяти Господине? *Еп.*: Догодь є воля людѣй и народа, кои да не даю и на се не намамлюю, парасили бы се и калуђери прошиѣ и узиманя; а докъ се годъ нађе, ко ће давати, наћи ће се, и ко ће узимати; дакле како видишь, одъ народа све зависи. *Маленица*: Све є то вашъ изговоръ Господине. Народъ, народъ, ко ће народъ сложити, шта ли зна простый народъ? васъ є народъ изабрао за своѣ Пастире; ако вы познаете, да калуђери нису одъ потребе, учините съ нѣима, како є Архимандритъ одсудіо лекару и терзіи; народъ у томъ нема никаква посла. *Епископъ*: Ніє тако, мой Маленица, ніє! Не валя тако съ народомъ мыслити, єрь є народа много, а насъ є мало; Народъ валя саветовати и учити, а не срдити; силомъ се съ нѣимъ ништа не може учинити; народъ є кротакъ и покоранъ, кровь ће свою до потребе за своѣ старіє пролити; а старіи валя да се врло стараю, да му никакве обиде не творе; и неке народнѣ слабости и обычае, ако нису врло вредовите обштеству, валя да презиру и трпе: ако ли кадъ намысле што, на ползу обштества учинити, какве новине уводећи, а старе обычае

уништожавајући ; валя да добро народу даду да позна, да е то нѣгова права полза, и да се съ нѣмъ добро мысли. Свемогућъ е еданъ владѣтель у свомъ народу, кадъ народъ савршено позна добро намѣреніе свога владѣтеля ; старый обычай народа има силу вѣре и закона ; и како ко почне у нѣове обычае дирати, чини му се да му у вѣру и законъ дира ; мысли, да му се неправда и сила чини, пакъ се противи и бунни ; много га е, и мучно га е сложити, како си самъ рекао, за то валя съ нѣмъ тихо поступати, дати му да разуме и да чисто позна, шта му е полезно, шта ли нѣе ; позна ће еданпутъ, познати, ако и касно. Самомъ е времену Богъ дао, да све откріе и истину да покаже ! Ко съ навалицомъ ради, да све у еданпутъ учини, много кратъ поквари : оно што се не може сасвимъ изменити, валя поправляти и поболшавати ; како еданпутъ народъ рекне : нашто су калуђери ? што ће намъ ? ту ти е съ нѣима ; а докъ њи народъ оће, валя њи трпити. Шта мы можемо, ово е : мѣрске Свештенике у манастире силомъ не гонити ; недопуштати нипошто, да се млади люди калуђере ; мало ће се ко после двадесетъ година калуђерити, кадъ себе позна а навластито кадъ сазна, шта е монахъ, шта ли се одъ нѣга изискуе ; они кои су се у овому чину наши, валя да добро гледаю, еръ ћею отвѣтъ Богу дати, да не примаю у свой чинъ оне, кои ту траже прибѣжиште лѣности и спаваня. Ко жели монахомъ постати, валя да е савршени година, поштена и неспрочна живота, или да е науцы сасвимъ предать, или какавъ занатъ полезанъ да зна, и да е вреданъ не само себе сама препитавати, но и другима помоћи,

Ове моє руке (говори сосудъ избраный) дѣлале су не само за моє прешаніе, него и за оне, кои су самномъ были.“ На овај начинъ имаћемо манѣ монаха, но што њи буде, биће на ползу обществу, на основаніе братіе свое, и заслужи ће честь и любовь народа свога.“ При концу и ово є была доброга Архіереа речь: „Чада моя, немојте помыслити, да я изъ какве мрзости къ монахомъ ово говоримъ; я на зле обичае мрзимъ, и радъ бы да се не само изъ народа, колико є могуће, него и изъ саме цркве и олгара истребляю.“

Како є мени было, овога правдолюбива и чисто-срдечна Архіереа слушаюћи, исказати не могу. Стао самъ быо съ єдне стране, како га могу добро гледати, и како нећу другима у служеню сметати: не знамъ или ми є было миліе гледати га или слушати. Быо є одвећь благообразанъ и красноличанъ човекъ; нѣгово говоренъ было є са свимъ подобно мудрованю срца нѣгова, просто, непритворно, єднымъ словомъ, душа срце и говоренъ право Србско. Желіо самъ, да се тай данъ оће како продужити; колико самъ га выше гледао и слушао, толико выше самъ се услађавао; но по савршеню овога разговора будући се и данъ къ ноћи склонію, устао є, учинію обычно благодареніе, за фаліо господару и госпођи на части, и давши свима отеческо благословеніе, изишао є, у излаженю тихо семіяваюћисе говорію є Архімандриту: оди самномъ кукавче, да те не запопадне онетъ гди Маленица. За свима изишао самъ наипосле и я, пакъ самъ га пратию очима, догодъ ніе ушао у свой дворъ.

Я самъ отишао у дућанъ мой, узео самъ катихисісъ, да што читамъ, но ко ће читати после тогъ разговора? Дало ми се было нешто на жалость, уздисао самъ, сузе су ми текле изъ очію, жалећи што нисамъ єданъ одъ найпоследњи нѣгови локая и служителя, да га гледамъ и слушамаъ свакій данъ! Тай данъ ништа друго нисамъ єо, осимъ пре ручка командиъ леба, но ніє ми на умъ падало єло; као овца кадъ дође съ паше, легне гдигодъ, пакъ преживлѣ оно што є пасла, тако самъ я преживао савъ онога предрагога Архіереа разговоръ, и учіо самъ га као наизустъ. Єдно ми є само сметало; небы се никадъ могао одъ смея уставити, кадъ бы ми годъ пало на умъ, како є гркъ Яня на Маленицу прсноу, и како є Маленице стало вика.

После овога незаборавлѣнога разговора, почели су ми се были чистіє и яснєє изображавати у момъ уму савети мога тетка Ніколе, наодіо самъ неко подобіє међу нѣговымъ мудрованѣмъ и Архіереовымъ: почео самъ сматрати Епископе и мірске Свештенике, као праве мірскога народа пастире. Како бы ми дошла на умъ имена мужъ и жена, женидба и удая, у свему тому представляо бы се у момъ уму чинъ родительскій, у комъ чину уважавао бы найвећу светиню после Бога на земљи; како бы чуо, да у цркви быва вѣнчанъ, ишао бы га гледати съ такимъ умилєніємъ, како годъ свету литургію. Гди бы годъ видіо найманю девойчицу, мыслію бы у себи, ово є мала мати човеческога рода. Одъ сего незаборавлѣнога дана до данасъ, како гди видимъ малєно дете при сиси, споменемсе моє милостиве и предраге матере, коя ме є

на истый начинъ при матернимъ прсима држала, и своимъ млекоу ранила, оживи желя моя за нбомъ колико да е данасъ умрла, крвѣ нѣзина, коя у мени тече, почне съ већимъ устремленіемъ теѣи, срце ми се смуѣава, саме сузе теку, мыслимъ: сладка мати, пресвето души моіой име, гди си! да цѣлуемъ стопе ногу твои! одъ оногъ блаженогъ дна, велимъ, не могу видити мало дете при сиси, да у исто време не размыслимъ неисказано благодареніе, милость и промысао преблагога Бога.

Нека сваку расуди, ко буде читати ове врсте, каква чувствованя благодарности и припознанства, къ Богу и Родителѣмъ, могу се усеяти и укоренити у едно младо срце чрезъ самый еднодневный разговоръ еднога чистосердечнога човеколюбивога и разумнога учителя. Ово е найвеће благодареніе, кое се може учинити младежи, на овимъ благороднимъ чувствама осниваюсе и називаваю све друге богоугодне добродѣтели. Младъ човекъ, благодаранъ Богу и родителѣма, ласно ће и радостно примити на ныву срца свога семена найкрасни и найблагородни добродѣтельи. Дете благодарно бива послушливо и покорно, изъ послушности и покорности раѣасе трудолюбіе и испунѣніе сваке свое дужности, а одавде произлазе и извиру као изъ живога извора, сва остала благодѣлавія еднимъ словомъ, све поштено, разумно, праведно, богу и людма угодно живлѣнѣ. Валя дете научити, да е благодарно и слуги и слушкињи, кои га послужую ерѣ оно само собомъ тога ніе кадро заслужити; да е благодарно свакомъ човеку за найманю добру речь, да е дужно никога ни у чемъ не увредити нити озло-

бити, свакомъ по сили и могућству своме добро учинити, и свою благодарностъ у свако време словомъ и дѣломъ показивати; дати му да позна, да то Богъ оће, и за наше исто благополучіе то одъ насъ изискуе, ербо само на овај начинъ можемо съ другимъ людма и сами са собомъ, у миру, у любви и у задовольности пребывати, и животъ нашъ тихо и сладко проводити.

Но да дођемъ опетъ къ мени. По овомъ разговору господина Епископа быо самъ се сасвимъ почео изменъивати, и моя прва мудрованя и намъре забораляти: кадъ етоти моя звезда, која е другояче самномъ наумила была, по месецу дана, донесе изъ Срема у Темишваръ некогъ момка калнакцію, именовъ Тодора. Овај постане калфомъ при едномъ майстору истога заната, кога е дућанъ башъ до нашегъ дућана быо. Не могу се начудити, какво е непостоянство човечіегъ срца, а найпаче у младости. Овај ти меновый пришелаць узме сасвимъ на свою руку и преоблада; почне ми казивати за Фрушку гору у Срему, за множтво манастира и калуђера, а навластито увъри ме, да у Фрушкой гори има таки долина и пештера, да се човекъ може сакрити у нъима, да га никадъ нико живъ не нађе, и не само да се може посветити, него да може и чудотвораць постати. А да исповѣдимъ сву правицу, мое самолюбіе мени е шушкало кадкадъ у уши, да мени моя мука неће залуду остати, но кадъ се посветимъ, да љу чинити чудеса. Каже ми јоште мой *Тоша*, да се находи у Фрушкой гори јоштъ еданъ пустиникъ, къ кому изъ далека долазе люди, да имъ чини чудеса, и да нема дана, кадъ онъ не учини по кое чудо. Ніе се друго за ме

хотело; ово ми е доста было, да ме подбоде и упали. Юштъ еданъ пустиникъ? кои чини чудеса? На шта я чекамъ овде? Свакій мінуть чиню ми се година; крила самъ желю. Данъ е было субота, почетакъ месеца Іунія, кадъ самъ овай гласъ добыю. При истомъ моме майстору и тргобцу было е юштъ еданъ момакъ изъ Чакова, именовъ *Ника Пушкинъ*, две или три године старіи одъ мене, мой комшія, съ коимъ самъ заедно у школу ходію. Овай после ручка было е на тавану, да разбія памукъ. Я на ма' отрчимъ къ нѣму, и донесемъ му мое веселе гласе и новине; казивао самъ му ии съ такимъ усрдіемъ, као да самъ было Богъ зна какво благо нашао, заклинюћи га са сузама у очима, да ми да саветъ, како бы я могао колико пре, у оне блажене горе доћи, гди се човекъ може пустињичити. Лето, за путованъ добро време; мой ти *Ника*, кои до тогъ часа никадъ о светиньи ніе саняо, него юштъ савыше, одвећъ е питомъ было съ девојкама, кадъ бы съ нѣима пазарію, у овай паръ сасвим се заборава, савъ се измени и промени, рекао бы као да га е мое говоренъ обаяло и очарало, и почне ми овако беседити: Како то? самъ си наумію поћи? а я овде праа да гутамъ разбіяюћи памукъ? Неће то *Ника* трпити! заедно смо расли! заедно кнѣигу учили! заедно на занату были! заедно ћемо и путовати. Ту изгрлимо се и полюбимо, задаюћи еданъ другоме речъ и вѣру, да се нећемо никадъ разстати. Ко бы при свемъ овомъ не помыслію, да ово Богъ овако не намешта? Я се тада нимало о томъ нисамъ сумняо, и све самъ за явне знаке узимао, да ћу се набрзо посветити. *Ника* мало попомысливши; седи ты овде, ре-

кне ми, и чини се као да разбіяш памукъ, идемъ се и я мало съ тимъ Тодоромъ поразговорити. Оде, постои по сата, пакъ опетъ дође; онъ е разумнии быо одъ мене, ніе пытао ни за пештере ни за пустиньике, него кои е путь одъ Темишвара къ Срему, гди се Тиса прелази, гди ли Дунавъ, и кои е найбільи манастиръ у Срему; каже ми све, фалећи ми сврхъ свега манастиръ *Опово*, да е другій на земљи рай. Но! нигде него у Опово. Пао е разговоръ после, шта ћемо на путу єсти (и да онъ ніе напоменуо, мени то небы ни на умъ пало). За напитакъ ніе намъ было бриге, еръ е *Ники* Тодоръ казао, да ћемо све покрай Бегея ићи. Я кажемъ, да имамъ три грошића одъ оны, што ми е последній путь мой Тетакъ дао, (а да е знао, на какавъ ће ми ии путь дати, небы ми ии дао). То е доста, одговоріо ми е, три грошића леба доста ће намъ быти за два дана. Дође ми на наметъ Маленичинъ разговоръ, пакъ рекнемъ сміюћи се: да и та три грошића нема, у калуђере идемо, мора насъ вилаєть ранити. Сутра данъ неделя, дућанъ стои вьсданъ затворенъ; како се годъ оће за побећи и утећи; легнемо заедно, не за спавати, ніе намъ было до спаваня, него за разговарати се и саветовати, како ћемо се измаћи, и како ћемо учинити, да се баремъ првый данъ нико не досети, да смо отишли. Све се то метне у редъ и намести. Ко ће намъ садъ брже зору донети? Никада девойка на удаю съ већимъ недоумѣніємъ ніе ю чекала, коя се е сву ноћъ красила и уподоблявала, нити юй е до спаваня, еръ мысли сутра данъ на вѣнчанъ поћи, — како што смо е мы чекали. Дође и она єданпутъ. Ника узме мою торбу съ

нашимъ кошуляма, моимъ катихісисомъ и часловцемъ и съ лебомъ, кои смо іоште съ вечера спремили, пакъ изиђе изъ града, почемъ ми каже, гди ће ме чекати, а я пођемъ у майсторовъ конакъ, да кажемъ слушкињи, да мы двоица неђемо быти тай данъ съ други момцы при ручку. Ово смо овако были одредили за заметнути трагове. Моя майсторица была е уранила, да у цркву пође; слажемъ нъойзи, да ћу съ Никомъ цѣлый данъ на удицама рибу ловити. Она заповеди слушкињи, да ми да комадъ леба, говорећи: кадъ сте луди, я вамъ памети не дадо, идете по сунцу и гладуете, а я знамъ добро, да та ваша риба неће на мой тиганъ доћи. Ко срећни одъ мене! тай е данъ добіенъ, а сутра докъ за насъ распытаю, не знаюћи на кою смо се страну окренули, проћи ће и другій данъ. Изиђемъ изъ града, нађемъ Ніку: айде брате Ніко! све намъ иде по жельи! срећа насъ за руку води!

ПОЧЕТАКЪ

МОГА ПУТОВАНІЯ.

Шта е човекъ, кадъ га каква страсть преузме! кадъ какво мечтаніе ума ужеже му мозакъ, подбуні срце, и учини, да сва крвь у нѣму узаври. Бю самъ у то време у четрнайстой години, ненаученъ нимало пѣшице ходити: отићи изъ града у Фабрику и Малу, и вратити се, то е мени доста было. Тай данъ као да су ми ноге крилате были, кодъ салаша деда мога справмъ Семартону, ту смо после подне починули. Овчари Семартонски, одъ кои неки су ме и познавали, наранили су насъ млекоу и скорупомъ; мой другъ кое одъ пута, кое одъ прошасте ноћи неснаваниа, крепко заспи, а я се попнемъ на єдну унку, и почнемъ гледати къ Семартону. Дамъ се мало по мало у мысли, єдна іеа и мысао почне разбуђивати, подстрекавати и на паметь доводити друге, колико самъ обладанъ бю моіомъ будаластомъ светињомъ; но овде натура предузме све свое правице и силу, сатре

подъ ноге и у ништа обрати сва моя суетоумна мечтанія и суевѣріе: дође ми на паметъ мати моя, и мила сестрица моя *Јулианка*; сузе проливајући начнемъ говорити: Остай ми съ Богомъ о предраго село! мѣсто рођеня родительице мое! Паднемъ лицемъ на землю, любимъ землю, и съ топлымъ сузама квазимъ. Никадъ у момъ животу нисамъ тако плакао, гледајући село, у комъ се майка моя родила, родила и расла, по комъ се у детиньству свомъ играла, младость проводила, и съ родителѣмъ моимъ вѣнчала, у кое є сваке године на Бурђевъ данъ съ браћомъ моимъ, съ маломъ *Јуломъ* и самномъ долазила, родителѣ свое на нѣово крсно име светогъ *Георгиа* посѣтити; остай ми съ Богомъ (вриштући самъ єдва изговарао) земльо, души моіой света, у којой садъ леже кости вѣне, и мое *Јуле*, сладке сестрице! Срце ми є лупало у прсима, чинило ми се као да ћу изданути, полежао самъ као у несвести. Кадъ самъ се повратио, дошло ми є велико раскаяніе, што се одъ те миле землѣ удалюемъ; сећам се одъ кадъ себе памтимъ изъ детиньства, да самъ неисказану радость имао, кадъ бы ми рекли, ићи ћемо у Семартонъ; съ већомъ самъ жельомъ чекао *Бурђевъ данъ* него *Ускрсь*; проводили бы ту по десетъ и по петнаестъ дана, трчао бы по полю, играо бы се съ яганьцы, пеняо бы се на унке: све детиньски послови истина, но у оному возрасту, кои є сама радость и весель, я самъ находіо у томъ таку сладость, коя є превазилазила свако блаженство; а кадъ бы съ поля дошао, како бы ме чекала и грлила мати, како сестрица! Све ми є ово тада у єданпуть пало на умъ, нисамъ могао обстати; садъ про-

лазимъ, може быти последний путь! може быти за вавѣкъ! покрай блаженога мѣста, оставлямъ га за вавѣкъ! и у нѣму кости майке мое, родительнице мое, и єдине сестрице! Ко има срце чувствително може помыслити, како ми є было! И садъ пишући после двадесетъ и петъ година, узмућує ми се утроба, сузе ми теку и весма тужимъ; по сата, илити выше было ми є у усти *нано моя! нано сладка! Юло срце! Юло душо!* (майку самъ мою наномъ звао) и выше бы ту лежао, да нису се чобани око мене скупили, и почели ме тѣшити, а ни сами нису се могли одъ суза уздржати. Изъ овога судимъ, да ми є мати жива была, или баремъ *Јула сестрица*, да небы никада изъ Баната изишао. Быо самъ већъ утѣшенъ, кадъ ми се пробуди другъ, и рассуђаваюћи, да савъ мой плачь ништа ми не помаже, и да не валя време губити, метнемо се на путь, и дођемо у само вече у Итебей, къ тетки моіой, рођеной сестри матере мое, *Єври*. За дуго ме є загрљѣна држала и надамномъ плакала. Сутра данъ видећи, да нећу нипошто выше да закашнявамъ, метнула ми є у торбу неколико танка бега за паръ кошуля, и за єло нешто на путь свремила, плачући и любећи испратила ме изъ села. Мени и Ніки ніє было до закашняваня, єръ смо се бояли, да за нама потеря не иде. Овде не могу оставити да не назначимъ, безъ свакогъ прирастїя мому роду, да одъ свію народа, кое самъ познао, нема милостивієга рода надъ србскимъ, а наипаче къ сродству: одъ Херцеговине до Баната, у Босни, у Хрватской, у Славонїи, у Србїи, народи су весма милости и одвећъ сродства любители: и што се каса

у старо време весма похвалѣне добродѣтели гостолюбія, заиста у томъ су ови народи први.

Овай данъ предъ вече дођемо у едно село кодъ Тисе, нађемо єдногъ свештеника, гди нешто у својој авліи теше, пытаюћи га, како бы могли у Сремъ прећи, каже намъ, да се мучно прелази збогъ велике воде Тисе и Дунава; жали, што нѣгови синови нусу дома, онъ бы насъ дао пребацѣти на ону страну безъ плаће; рекне намъ да чекамо вечера, кадъ люди дођу съ поля, да ће намъ наћи кога, ко ће насъ за два или три маряша превезти. Но одкудъ нама три маряша? мы немамо ни три крайцаре. Нужда дае савѣтъ: я извадимъ изъ торбе мой часловацъ, кои є быю іоштъ наполакъ новъ, молећи га да учини задужбину, да насъ онъ да превезти, и да зато узме часловацъ. То небы была никаква задужбина, да я то учинимъ, одговори добрый Свештеникъ, него ако вами ніе одъ потребе часловацъ, да ћу вамъ за нѣга седамъ маряшій, и постараћу се за вашъ превозъ; остарио самъ и не могу за дуго возити, а бы васъ и самъ превезао. У вече нађе намъ єдногъ момка, кои насъ превезе у Сланкаменъ.

Ево ме у Срему, у земљи наслѣдія последњи србски *Деспоша*. Сутра данъ некій Карловчанинъ враћаюћи се съ празны кочія дома, довезе насъ за неколико грошића у Карловце, гди преноћимо, и рано у ютру почнемо путовати по пожелъной Фрушкой гори. Пролазећи исподъ Ремете и Крушедола нисмо смели ни навратити се у ове манастире, да насъ како калућери силомъ не задрже; Опово намъ є у срцу

было, къ нѣму смо се паштили. Оно подне доѣмо у Иригъ и упутимо се къ манастиру. Како намъ е годъ рекао Тодоръ калпакѣя, како преѣмо на манастирску землю, учини намъ се, као да смо у Едемску башчу дошли.

Иде се све покрай єдногъ поточиѣа, поредъ кога стое насаѣени велики ораси и друга дрва, коя га осѣняваю и чуваю одъ сунца. На левой страни виде се брда и холмиѣи покривени съ винограды и воѣняцы; съ десне стране потока пружила се една веселовидна долина, сва покривена и украшена съ ливадама, пуны злака и цвеѣа селнога, коя се протегла до близу манастира, а съ оне стране долине, рекао бы да су царске башче; Виноградъ до винограда, окружени и накиѣени са свакояки плодовиѣы дрвы. Брдо надъ брдомъ и холмъ надъ холмомъ, као да се єданъ надъ другога друголюбно наслоню, и као да е єданъ сврхъ другога свою поноситу главу помолю, како ће лакше ону красновидну долину сестру свою, и потокъ, нѣна любителя, кои е загрлѣну држи, и оне кои покрай нѣга пролазе, гледати и сматрати, и како ће у исто време свакъ свою великолѣпну, са свы пролетнѣи, летнѣи, и богаты єсенѣи даровы надичену и преукрашену главу показивати, и очима свю представляти. Холмъ одъ холма лепшій и дичнѣи, а сви заєдно неисказане красоте: тихосладко и любко шуштенѣ и игранѣмъ съ долиномъ потока, весело различни птица поянѣ, кротко и прохладно вѣтра диханѣ, и нѣгово съ лишѣемъ преметанѣ, даю ушима єдну тако сладкослишну музику, да доведе човека у савршено заборавлѣнѣ себе, и у изступленѣ ума; благоуханѣ

ливадны цвѣћа и свакояки воћа обалзамляваю оный кроткопитомый воздухъ. Незна ко, како томъ блаженномъ долиномъ прође, како ли къ манастиру дође, а кадъ дођосмо къ момъ любимомъ Опову, шта ће ко пре гледети? шта ће расматрати? чему ли ће се выше дивити и чудити? Да самъ быо савъ око, пакъ да самъ на све стране у еданъ ма гледати могао, ни тако не бы се оне красоте нагледао. Ко бы хотео знати, шта бы я радъ овде описати, а не могу, нека само оде, одъ пролећа до есени кадъ му драго у Опово, пакъ кадъ се дома врати, види ће, оће ли моћи све што е чувствовао, исказати; осимъ они кои, предати некимъ страстма, све имъ е остало еднако, та ишли покрай рита та покрай ливаде, та слушали жабе та славуе; я говоримъ за оне кои имаю срце чувствително, сваке красоте божіегъ *сшвореня*. О родители, и вы учителя и управители беззлюбне младежи! ову вѣчну кнѣгу отварайте у свако време вашой дѣцы и ученикомъ, привикавайте ии израна, да осећаю, да познаю и да чувствую премудрость, благость и богате даре Творца свога, у *сшвореню*. Ову саму кнѣгу безъ никакве друге, Мелхиседекъ читаюћи, Свештеникомъ е вышнѣгъ Бога постао; ово е кнѣга Авраамова, Іаковлѣва и свію Патріарха, кадъ іоштъ ніе было никакке друге, кою читаюћи високой су мудрости, къ познанству Бога достигнули: жива и дѣйствителна кнѣга, изъ кое, у свако доба, свакій часъ и свако тренуће ока, къ очима, къ ушима, къ свимъ чувствама, а навластито къ срцу нашемъ Богъ говори. Небо съ сунцемъ, месецомъ и звездама, земля са свимъ, што се на нѣой види, воздухъ, облацы, вѣ-

трови, мунѣ и грмлявина, вода и све што се у нѣой движе; пролеће, лето, есень и зима, свако диханіе и свако створенѣ до найманѣгъ мравка и мушице, изъ све ове кнѣиге Богъ говори къ свимъ людма: *познай човече Творца швога, Творца вѣчнога и єдинога, праведнога и милостивога, некъ чувствує срце швое; за шо є створено, єрѣ иначе неможешъ быши благодаранъ развѣ чувствуюћи, и колико выше будешъ чувствоваша, выше ꙗешъ благодаранъ быши. Выше ꙗешъ благодариши, выше ꙗешъ любиши, выше ꙗешъ се силичи, за испуниши свешу и праведну волю нѣгову; и на овай самый начинъ бы ꙗешъ благополучанъ и блаженъ во вѣки вѣка, єрѣ си зашо створенъ, словеснымъ умомъ и безсмершнымъ духомъ одаренъ! Будь праведанъ буди добаръ, люби добродѣшель! Ниси за мало време створенъ као мравъ; вѣчностъ ше чека, на крашко време добро чинєћи, вовѣки ꙗешъ благополучанъ и блаженъ быши! За показати све величество сладчайши Спаситель Исусъ учи насъ и савѣтує, да погледамо не на сву ню, но на найманю частицу нѣ, за познати изъ найманѣ частице ове безчислене кнѣиге великога Творца и нѣговъ преблаги и премилостиви промысао о свему; Не вели, погледайте на небо и на сунце, не вели, чуйте громове и грмлявине, ово бы одвећъ много было; погледайте, вели, на цветке польске, ко іѣ тако краси и одѣва? Да царъ Соломонъ у свой слави своіой ніе се могао одѣнути ни украсити, као єданъ одъ овы цветака. Оче небесный! Погледайте на птичице по воздуху, ко іѣ рани и ко іѣ одѣва? Благій промысао Оца небеснога! Ову читаюћи премудрый Сокращъ, вѣчна слава Аѣи-*

не и свега славнога Грчкога рода имена! пре Христова пришествія мученикъ е быо за благочестіе, праштаюћи и благосиляюћи оногъ истога, кои му е отровъ дао. Ову кнѣигу ко чита са здравымъ богоданнымъ разумомъ, и ко нъойзи слѣдуе, мора доћи къ истинномъ богопознанству, и онъ е (како учи светый Філософъ и мученикъ *Іустинъ*) дѣломъ Христіанинъ, ако се словомъ и не називлѣ Христіанинъ, живећи праведно и богоугодно; ко ову кнѣигу не види, выше е слепъ него онай, кои е слепъ рођенъ. Ко нѣзинъ гласъ не чуе, глупый е одъ синя камена, ербо, *небеса казую славу божію, и шворенѣ руку нѣговы оглашава земля.* Ко ово не чувствуе, нѣму е гвоздено у прсима срце. Обычайте дакле млада срца да чувствую, у найманѣмъ листку, травици и цветку Творца свога да познаю: у живлѣнью и движеню мравка и мушице общета животодавца Бога да упажаю, учите іи найпре овима малима стварма, докъ съ временомъ кадра буду, къ сунцу и къ звѣздама умъ свой узвысити.

Ево мой любезный читателю, къ каквимъ размышлѣн्याма само сѣханѣ Оповске красоте умъ мой узвышуе. О мѣсто достойно, да посвећено будешъ мудрости и науцы и де се Србскимъ назовешъ *Парнасомъ!*

Е В О М Е

М Е Ъ У К А Л У Ъ Е Р Ы М А .

(Што самъ тражіо, то самъ и нашао.)

Было е око два сата после подне, кадъ смо ушли у манастирску авлію (еръ смо лагано ишли одъ Ирига до Опова); истомъ братія изишли изъ трапезе, и нису были іоштъ полегали спавати по обычаю манастирскоме; млађи пролазе кои кудъ по докаты, а старешине поседали съ Игумномъ предъ нѣговомъ ћелиомъ и разговараю се. Како насъ упазе съ торбомъ на леђи, познаду да смо странски люди. Любопытни сазнати узрокъ нашега странствованя, заповеде насъ звати къ себи. Пенюћи се горе пришапће ми Ника, да я одговарамъ на оно што буду пытали. Не старай се рекао самъ му. Было ии е око десетакъ, а кадъ упазеше они други, што су се были кое кудъ разодали, почеше се скупляти и они, кои одкудъ; у еданъ два минута бы ии до тридесетъ. Никадъ у момъ вѣку нисамъ до тада толику силу калуђера скупа видіо, была ми се почела крвѣ узмућавати и ежити кожа, као

да самъ се хотео препасти; кадъ ето ти упази одне-
куда два малена калуђерка, кои дођоше и стадоше
близу насъ, гледаюћи насъ веселимъ образомъ; онда
ми поче долазити дрзновеніе, мыслећи у себи: кадъ
овима ништа ніе было, неће ни мени. А да право
изповедимъ нисамъ никаква узрока ни имао плашити
се, еръ су мои драги Оповцы осимъ своју Фрушко-
раца найпитоміи, благосклонни и благопріятни, весе-
ла образа и погледа, пристойно и чисто обучени, ед-
нымъ словомъ, нису нимало прилични онимъ калуђе-
рима, съ коима се деца плаше. Између своју нѣи най-
болъ самъ упазіо єднога, кои у среди своју сеђаше,
брада му пократка, округла, и власи на глави бѣле
као снегъ, а образъ чистъ и младъ, пунъ млека и ру-
жице, погледъ дрзновенъ, но у исто време любакъ и
милостивъ, очи нуне живота и неке особљиве сладо-
сти. Како ме є погледао, предобіо є све срце мое, ре-
као бы као да самъ га познавао пре много година, и
као да ми є своимъ погледомъ рекао: я ѣу быти твой
благодѣтель и отаць: и кадъ небы се сміаю, на ли-
цу бы му неко тихо и природно осмеяванъ цветало.
И правда, како самъ после дугимъ искусствомъ познао,
и како ће се видити изъ мое Історіе, ако є икада чо-
векъ на свету быо безъ найманъ притворности, онъ
є быо. Онъ истый Игуманъ будући, начне насъ пы-
тати. *Игуманъ*: Одкудъ сте вы децо? *Я*: Изъ Бана-
та. *Иг.* А далеко ли сте на канѣни? *Я*: Овде бы ради
остати, ако насъ примите. *Иг.* Што ѣте овде? *Я*:
наумили смо покалуђерити се. *Иг.* Имате ли вы оце
и матере? *Я*: Овай мой другъ има матеръ, а я самъ
безъ оца и безъ матере. *Аншоніе великій*: (називлѣмъ

га великій, еръ е и дужи и деблій одъ свію быю, и браде выше е имао онъ самъ, него десеторица други), Да т' кажемъ, оче Игумне, я ъу тога малога узети, а Максиму ъу дати путь, еръ е несташанъ као врагъ, и ютрось ми е новъ крчагъ разбіо. *Иг.* Оче Антоніе! Заръ самъ я овде Ага на Кареа? *Анш.* Та немой се Бога ти лютити. Я знамъ да си ты Игуманъ аль ако га ты узмешъ, како си лютъ и напрасанъ, онъ ће трећи данъ одъ тебе побећи; ты знашъ, да кодъ тебе ѡакъ неможе обстати. *Иг.* Ако буде као твой Максимъ, неће ни трећегач дочекати, пакъ се окрене къ мени: ты малый, оћешъ ли ты мой ѡакъ быти? *Я:* Оѡу. *Иг.* Но полюби руку, пакъ ты неслушай тога великога и брадатого; онъ говори што му на уста дође; ако ты само будешъ добаръ, у свемъ Опову нећешъ наћи болѡгъ одъ мене. А ты оче *Јанићіе*, и тако си Параклисара, а безъ ѡака си, узми тога другога, онъ е поячій, башъ како валя за параклисару. Потомъ да заповѡдъ, да насъ одведу у трапезу и даду ести. Кадъ изиђемо изъ трапезе, пођемо свакъ свомъ Старцу. Я нађемъ мога Игумна сама гди хода по ћели; упыта ме, есамъ ли изучіо псалтирь; кажемъ да есамъ; да ми еданъ псалтирићъ, да види како читамъ. Быю е задоволянъ моимъ читанѡмъ; каже ми да ће онъ спавати, а да я могу ходати по манастиру и около, кудъ ми драго; или ако оѡу, могу узети кою кнѡгу съ астала, и што читати. Онъ пође у камару спавати, а я почнемъ прегледати кнѡге, нађемъ Зборникъ, Часловацъ, Псалтирь, Месецословъ, Каноникъ, Полуставъ, Требникъ, Алфавитъ духовный; наипосле отворимъ едну велику страшну кнѡ-

жетину, видимъ Житія сви Светы на три месеца, Марта, Априла и Маіа. Ха, помислимъ, ова е за мене! Ђдва е подигнемъ, изиђемъ предъ врата ћелійска, метнемъ е на еданъ каручный сандукъ, а я седнемъ доле, и почнемъ читати житіе свете Евдокіе, први дан Марта месеца. Прама свима стварма, кое у овой књи- ги нађемъ, остану пролози за ништа. Съ каквимъ усрдіемъ и топлотомъ срца самъ я то читао! и све од речи до речи упамтію? Камо тада књи- ге оне, кое су данасъ у рукама! Ево време златно, за вавѣкъ изгубљно! Изъ Сцыле утечемъ, пакъ упаднемъ у Харивду; изъ пролога у житія! Сирото дѣте! Бѣдна младость, до смрти непрежалѣна! Но онда я самъ мислю, ко е сретни одъ мене, житія читати! Таке књи- ге велике! Нигде тога на свету нема! Ко незна шта су житія, нека чуе одъ хиляде само едну малену повѣсть, кое самъ я не читао, како се чита, него самъ свимъ грломъ гутао и прожди- рао, кое самъ вѣровао какогодъ *Евангеліе*, и надъ коима самъ тако горко плакао, да самъ видъ очный покварію, некъ чуе велимъ, пакъ ако има срце човеческо, некъ ме нежали, и некъ надъ моіомъ бѣдномъ младости не уздане, ако може! У житію преподобнога Пайсія стои написано: да е Христосъ сишао съ неба, и дошао у пустыню да га посѣти; препод. Пайсіе опере Христу ноге. По млогомъ разговорѣ отиде Христосъ. Вода съ коіомъ су ноге опрате, остане у леђену. Етоти одъ некуда дође ученикъ Пайсіевъ, тражи воде да піе, нема, поарчена вода; вели му старацъ, да піе воду изъ леђена; овај гледа воду, мутну и блатну види, и коя заударна на зной, неће да піе, говорећи: како ћу я поміе

пити? Говори му стараць: бре пій, пій, ерь ѣешъ се каяти! и то много кратъ, докъ му се додія: не толико одъ жеѣи, кокико да се не покаже сасвимъ непослушанъ, помысли у себи, затвориѣу очи, пакъ ѣу е пити, макаръ да бы се знао отровати; оде, гледа у леѣенъ, оѣешъ! нестало воде изъ леѣена, виче старца: Старче! нестаде воде. Садъ леѣенъ пунъ быяше, пакъ у еданъ ма остаде празанъ и сувъ као дланъ. Ха, одговара стараць, нисам ли ти я рекао, пій не наканюй се, ерь ѣешъ се каяти? А кадъ му каза, каква е то вода была, и т. д. Ево браѣо! съ хіляду хіляда оваки басна пуна су житія светы! Ово самъ вѣровао, и надъ овимъ самъ горке сузе проливао! Глуни и найсуевѣрніи Египетски Дервиши были могли смешнію и луѣу басну измислити? Срамота, не само светога Хрістіянскога имена, него цѣлога човѣческога рода, да се оваке и овима подобне безсловесне басне у Хрістіянскимъ кнѣигама находе, да се оне читаю, и да се вѣрую. Они кои незнаду, пакъ вѣрую онаке гадне и срамотне фабуле, нѣима ѣе милостивый Богъ за нѣово незнанство и простоту опростити; но они кои знаду, а невичу колико годъ са свимъ грлом могу, предъ Богомъ и предъ людма да се то не трпи, онима неѣе се опростити, ерь е ово грѣхъ противъ светога Духа. *Архіереи Божіи! свешшеницы мирски!* кои читате свето *Евангеліе*, вичите! вичите народу; ваша е то дужность! Зато сте оцы и пастири! Не издайте чисто Хрістово ученъ! Благій Спаситель ни нашто тако нѣе се срдію! Кроткій божіи Агнецъ ни нашто тако нѣе се гнѣвію, колико на суевѣріе, на лицемѣріе, и на лажльиву и притворну светиню; не бой-

те се народа, мили ђе те, дражи и честнии народу быти, кадъ му отворите очи ума, и кадъ га просветите; добаръ е народъ и благъ, ако ли у чему погрешава, нечини изъ зла срца, него изъ незнаня. О црковни предстатели, немойте сакривати Евангелску Истину!

Некъ ми се допусти юштъ само едно да споменемъ. Другий путь каже, да му е светый царъ Константинъ на посештеніе дошао, пакъ између другий разговора и ово му е рекао: „Правда, да самъ се и я трудію колико самъ могао, разширити Евангелску истину и науку, и привести многий народъ къ Богопознанству; но да самъ знао, у каквой сте слави вы монаси кодъ Бога, я низашто друго небы се старао, оставіо бы светъ и царство, отишао бы у пустыню, и быо бы монахъ.“ — Нека садъ задржи смей ко може!

А Прологъ: „Насредъ цркве божіе, рече стараць то, и учини оно, и сотвори блудъ!“ Оћемо ли се браћо за Бога еданпуть осветити? То е стваръ така, да едва е човекъ на исповеди каже, а нашъ Прологъ као да се нечимъ поноси, каже на средъ цркве, шта е нѣговъ стараць учинію. Какавъ му е то стараць, срам га быо? Я и онетъ молимъ мога любезнога читателя да ми опрости, што ове непристойне ствари назначуемъ; злоупотребленія и зли обичаи, ако се не буду како достойни поруганія представляти и обличавати, не могу се иначе у омразу довести и истребити. Време е да къ мени дођемъ.

Мой Игуманъ кадъ устане, нађе ме надъ кнѣигомъ. Было му е за чудо, да едно дете мога возраста не иде коекудъ трчати и скакати, имаюћи до-

пуштень. Рекне ми да му мало читамъ; я почнемъ читати како годъ изъ псалтира; пыта ме, читамъ ли тако изъ сваке кнѣиге, и разумевамъ ли шта читамъ; кажемъ, да изъ сваке, ако е србска и влашка, и да разумевамъ. Погледа ме мало съ вниманіємъ, пакъ ми начне говорити: „На ма тай часъ узми твою торбу, пакъ иди кудъ ти драго; право е рекао Антоніе, да ты нећешъ кодъ мене ни три дана быти.“ Я самъ быю изванъ себе; мыслимъ какви су ово люди! Пре два сата милостиво ме е примію, а садъ гони; да самъ му што скривію, небы жалію. Онда онъ опетъ: знашь ли, зашто те терамъ? Я: Незнамъ. Иг.: Ако ты будешъ добаръ и послушанъ, тако, како читашъ, ты ћешъ кодъ мене докъ самъ я живъ остати; но боимъ се, кадъ ты чуешъ како я читамъ, ты ћешъ ми се сміяти, а я самъ лютъ, пакъ етоти кавга готова. Кадъ я то чуемъ, оданемъ мало, и одговоримъ му: немой те вы мене терати, я се вами нећу ругати. Онда онъ изиђе предъ ћелію, пакъ гдигодъ кога уцази, зове, виче и казуе, како я читамъ, све као вода; едва чека сутра подне, метне ме да читамъ у трапези житіе. По ручку узме ме съ собомъ у Иригъ, у петнаестъ кућа водію ме е, почевши одъ господина Протопопе отъ Шакабентъ, казуюћи свима, да я боль одъ нѣга читамъ, и да онъ не сме предамною читати. Быю самъ као на ватри одъ стида: хотео бы да се кудъ уклонимъ, да нисамъ ту, кадъ съ кимъ о мени начне говорити; но залуду, заповедію бы ми, да се немичемъ съ места; докъ самъ и я као огуглао, пакъ бы слушао, као да се о другомъ комъ говори. Дивію самъ се чистосрѣчию нѣговомъ; и колико ме е

онъ выше фалію, толико самъ га я выше любію и у высокопочитанію имао. Близу три года провео самъ при овомъ благонаравномъ и пречестномъ Игумну. Смртъ нѣгова раставила насъ е. Но како самъ се у време ове три године у момъ миломъ Опову светиничію, и како нисамъ, то љу мало по нашире описати; ербо ако е и кадъ у мени штогодъ дивіе светинѣ было, то е у Опову было, докъ самъ се іоштъ међу дѣтинствомъ и младости находію, и докъ ме іоштъ подстреканія тѣлесна нису закупила была. Но пре него почнемъ мой начинъ житія у Опову, нека накратко явимъ, што се е съ моимъ Никомъ урадило.

Онъ е врло трудолюбивъ быо, цркву чистећи, свеће и све што е у цркви намештаюћи, тако да нѣговъ стараць врло е съ нѣмъ задоволянъ быо. Но по месецу дана етоти нѣгове матере, съ моимъ старіимъ братомъ Иліомъ; коя, како уђе у ограду манастирску, стане на средъ авліе, пакъ почне псовати и ружити калуђере вичући, да ако іой на ма дѣте нѣно не даду, да ће тай часъ сажећи манастиръ, цркву и калуђере; говорећи: ако су калуђери ради дѣцу имати, некъ се жене као и остали люди, па некъ рађаю и ране дѣцу. Некій Діонисіе Хорваћанинъ изъ Гаревце родомъ, речитъ човекъ и одвећъ дрзостанъ, сиђе къ нѣой да види шта е стои вика, и да вику съ викомъ предусретне; но нађе се у великомъ русваю, и тако се смете, да ніе предъ нѣомъ ни писнути умѣо. Такова е то Амазонка была, да бы на сто Діонисіа ударила. Кадъ ова свою вику предвостручи и подигне, рекао бы чисто да се упали манастиръ, и планине наоколо затутняю. „Брже ми дѣте

на среду! викне громовитимъ гласомъ на Діонисіа; еръ ако те сченамъ, сву љу ти браду очупати, и очи љу ти ископати! Не рађаю се дѣца као'но што ты мыслишъ, ніедна вѣро црна!“ Овай ніе знао, коимъ се е путемъ вратио. Брже болѣ пошлю іој сина, кога кадъ упази у мирски альина, и види да се ніе быо іоштъ поцрніо, утоли се. Мой братъ Илія ніе такіи жестокъ быо: момче само три године старіи одъ мене, да самъ хотео, могао бы и нѣга наговорити да остане. Каже ми да ме мой баба Никола поздравля, кои да ніе болестанъ и онъ бы дошао быо, не да ме натрагъ врати, него само да ме нагледа; да онъ већъ види, како самъ я тако науміо, да ме нико незадржа, и да е одъ све неволѣ много болѣ, да се у нашемъ мирномъ вилаету гди покалуђеримъ, него кудъ у Турску да одемъ; да не итимъ одвећъ съ калуђеренѣмъ но да чекамъ баремъ іоштъ три године; а како се предигне, да ће доћи посѣтити ме. Но ніе се предигао, него по маломъ времену преставіо се. Богъ преблагій милостивъ му быо, за нѣгову къ мени отеческу милость! На оваи начинъ мой Ніка врати се съ матеромъ своіомъ, и моимъ братомъ, а я останемъ миранъ и спокоянъ.

Мой е савъ посао быо, држати чисто ћелию старца мога, очитати му кои акатистъ и канонъ и у трапези житіе; све проче време могао самъ читати што сљу. Мени никадъ ніе мило было залуду стаяти: у неколико месеціи очитамъ сва житія, и осимъ свію омили ми се житіе мога именјака. Пише се о нѣму, да и онъ дете одъ седамъ година будући, остави родителъ и оде у калуђере, и т. д. Смилими се име

ово, и одсудимъ, да кадъ се пострижемъ, и мога на крптеню имена одречемъ, да ѣу то име изабрати. Тако самъ и урадіо.

После мало времена, мой стараць осети, да я безъ шале намѣравамъ посветити се, неокушаваюћи другда леба ни воде по данъ и по два. Совѣтовао бы ме и карао говорећи ми, да то ништа не валя, да е нама доста и преко мѣре уређене посте чувати; да е онъ видіо многе дівіе светинъ као я, и да су све то лажи или лудости были; да е време светиниченя прошло, и да у данашній данъ сва е светиня поште-нымъ човекомъ быти: накратко, нађемъ у нѣму мое-га бабу Ніколу. Нѣговъ говоръ метао ме е у удивле-нѣ; но познаваюћи га чистосречна и правде любите-ля, нисамъ могао не вѣровати му; а съ друге стране сматраюћи братію, како се сви веселе живой риби и старомъ віну, іоштъ выше самъ у увѣренѣ нѣговы речій долазіо. Мой стараць кудъ бы годъ ходіо ради дѣла манастирски, узимао бы ме са собомъ. Мени ніе мрзко было путовати; но едва бы чекао да дођемъ у манастирь, да читамъ житія. Съ нѣимъ самъ обишао савъ Сремъ, Славонію и Бачку. Онъ е свудъ было до-бро примлѣнъ за свое весело, и у исто време препо-штено обхођенъ. Како бы гди дошао, казивао бы да онъ има ѣаче свеца, да свакъ стои на опазу, и да добро гледа, што ће пословати; да се онъ бои ести и штии предамномъ, а смеяти се и шалити за главу не сме. Силомъ бы ме натеривао да ручамъ, назива-юћи ме дивліимъ свецемъ, и често бы ми овако го-воріо: Упамти ты мое речи; ты си садъ лудо дете, зато гладуешъ као сиромашкій насъ; као мірскій не-

ћешь мяса да едешь; а кадъ будешь калуђеръ, нећешь имати кадъ чекати ни да се испече; бы ћешь као Турчинъ, кадъ се намами на крметину. Я бы га пытао како онъ то зна а онъ бы ми одговоріо: прво, што си одвећь рано почео, пакъ чрезъ дуго време ће ти се омразити; а друго изъ твое склонности къ читаню, нећешь ты вавѣкъ житія читати, омрази ће ти се еданпутъ, почећешь и друге паметніе кнѣиге читати, а я самъ то у свемъ момъ животу опазіо, да сви они кои много читаю, мало посте. Мой бы одговоръ быо: а како су у старо време свети оцы много и читали и постили? а онъ бы на то: Све ты мени кажешь шта е пре хіляду година было: онда су други обычаи были, а садъ су други; што е онда было, знаду они, кои су онда живили, а я знамъ шта садъ видимъ. О знашъ ли шта си ми некій данъ изъ оне русске кнѣиге читао, да е и изъ светы отаца было свакояки. Кадъ су исти они, кои су на првомъ сабору Арію проклели, на ма' после сабора предали Цару Константину выше него сто меморіала, тужећи се еданъ на другога; а Царъ Константинъ као разуманъ управитель и Політикъ, за курталисати се еданпутъ црковны людій, кавге и ината, заповеди све оне меморіале іоште непрочитане сажећи; пакъ се окрене къ светимъ оцемъ, говорећи: мы васъ за свеце држимо, и оглашуемо, и есте хвала Богу; а вы предаете тужбе еданъ на другога; Я грешанъ човекъ будући, како ћу свеце судити? Оканите се люди процеса; васъ, ако што између себе криво имате, Богъ валя да суди. На овай начинъ постиде се сви и посраме, и престану одъ доношенія и тужбе. У истой

кнѣиги читао си ми, шта га су пута неки сабори одъ петъ и шесть стотина отаца, неке ствари узаконили и утврдили, кое су други сабори после нѣи одбацыли, и проклели, и оне кои су узаконили; јоште къ тому да е у самомъ Цариграду было выше одъ двадесетъ и седамъ сабора, кои су проклетству и анаѳеми предати; и да не дођоше Турцы, да ѿи не смире и помире, досадъ Богъ и душа было бы јоште толико, и не знамъ, бы ли ко остао непроклетъ.

А какви су ти ови оцы были, кои су на Златоустога седамдесетъ лажљивы пунктовѣ измыслили? Онде нису были малени оцы, него прѣи и найвећѣи. Право е рекао царъ Константинъ, да ће Богъ имати шта и светимъ оцемъ судити. Видишъ ли да е и онда свакояки было? Я простъ како ме видишъ, по мојој памети наодимъ, да су садъ больи црковни пастири, еръ нити се толико инате, нити се анатеми предаю, као у прво време.“ Я нисамъ знао, шта ћу му на све то одговорити, ништа манъ одъ мога обычнога тврдоглавства нисамъ хотео нимало одустати; нека говори ко шта оће; я ћу постити те постити. Прође то лето и зима; на пролеће постригу ме, и даду ми мое пожелано име Досіѳеј.

Како самъ тай постъ провео, мучно ће ко вѣровати. По тридни другда ништа небы окусіо, пакъ бы се гди на таванъ сакріо, и све бы метанисао челомъ у землю удараюћи докъ бы ми се мозакъ завртіо; едва бы на ногу одъ тешке глади стаяо. Находіо самъ у житіама, да неки одъ пустиника по целы седамъ дана, а неки по четрдесетъ ништа небы у уста уложили. Силіо самъ се небы ли и я како мо-

гао до седамъ дана дстерати, но залуду, нисамъ мо-
гао выше него до три дана, ерь у четвртый дркта-
ла бы ми колена, чувствовао бы якій боль у утро-
би, и долазіо бы у несвестицу. Мой добрый и ра-
зумный Игуманъ видеѣи, да моя будалапѣтина све-
то выша быва, каже ми чисто, да онъ тога выше
неѣе трѣити, да при нѣму наодеѣи се самъ себи
убица будемъ, но свакій данъ, у време уречено да
съ другомъ браѣомъ едемъ, ако ли неѣу, да на дру-
го место гди идемъ липсавати одъ глади, а не кодъ
нѣга. Я самъ одговорію, да я нисамъ првый кои е по-
стію седамъ целы дана, има кои су постили и четр-
десетъ, као Мойсей, Илія, и самъ Спаситель нашъ.
Мой стараць како е лютитъ быю и напрасанъ, мало
бы му валяло, (овай єдиный путь одъ све три годи-
не што самъ при нѣму быю, разлүтію се на ме како
валя) пакъ у свемъ свомъ гнѣву сву ми предіку
учини: „Какво е то твоє безобразіе, Мойсею, Іліи и
Хрісту да се уподоблявашъ? немашъ ли толико па-
мети да разсудишъ, да су оно изванредне ствари бы-
ле и божія чудеса, те су могли люди четрдесетъ да-
на неѣдуѣи живити? Мойсей на гори Синайской бу-
дуѣи, а Ілія бѣжеѣи по пустиньи, была е потреба,
да Богъ съ нѣима чудо учини. А што се усуѣуешъ
Спасителя споминяти, то е твоє крайнѣ безуміе; мо-
жешъ ли ты по води као по суву ходити? мртве вос-
крешавати? и друга спасителѣва чудеса чинити? Шта
си ты? балавче єдно; пакъ оѣешъ да Богъ съ то-
бомъ чудо чини! Но єдна за стотину: или да єдешъ
као и други люди, или путь за уши.“ Среѣа моя што
самъ страшльивъ быю, а отишо бы заисто кудгодъ у

планину. Много бы пута пошао тражити какву развалину и пешчеру, но како бы къ вечеру было, а я ти бѣжи на вратъ на носъ у манастиръ. Велике неде-ль поведе ме мой Игуманъ у Карловце, и на великій четвртакъ Архієпископъ Павелъ Ненадовићъ рукоположи ме на дяконство. У истый данъ было е по обичаю Умиванъ ногу, и служили су съ Митрополитомъ многи Архімандрити и Игумани. По служби, пре него седну ручати, овай разговоръ учини Митрополитъ моему старцу: „Ето ти оче Игумане, я испуни твою волю, киротониса твога малага Оповца на дяконство; но вы сви упамтите мою речъ, како е нѣму одвећъ мило млого читанъ, онъ задуго у Опову мѣста неће сгреяти.“ Я самъ међу множествомъ у саали негде у буцаку стаяо, и слушао ово говоренъ; нисамъ се могао начудити, што е овимъ людма! и Митрополитъ исте памети мога старца! Богъ ми съ нѣима! како бы мене читанъ изъ Опова отерало? Гди ѣу я толико кнѣига наѣи као у Опову? Тай данъ по ручку вратисмо се у манастиръ. Я младъ ѣаконъ и маленъ калуѣеръ, мило ми е было служити съ чредомъ и безъ чреде. Свудъ се было огласило, да самъ светаць; по селы почело се разглашивати, да и чудеса чинимъ: болестницы, кои бы у манастиръ долазили, мене бы искали, да имъ молитве читамъ. Не знамъ изъ когъ узрока, колико самъ се чинію светаць, ништа манъ, за младу челядъ молю самъ се врло усрдно, а за старе баке нѣе ми ишла молитва одъ срца. Многи бы сведочили, да су іи мое молитве изцѣлили. Я самъ нисамъ знао шта ѣу одъ свега тога мыслити; да е некима после мое молитве лакше, и да сви не умиру,

то мора нешто бити! Што ми є садъ најсмешніє: Мой добрый и незлобивый Игуманъ почео се быо увѣравати, да я имамъ некій даръ чудотворства, за мою топлу и усрдну вѣру. И заисто ако бы за вѣромъ стаяло, мене у то доба нико живъ ніє могао надвѣровати; ерѣ самъ я све, што годъ кажу пролози, Житія и Отачницы, слепо безъ икаква двоумія и размышлѣнія вѣровао; мени бы се у то време смртный грѣхъ видіо, сврхъ чегагодъ найманѣ и рассуѣавати, а некамо ли сумняти. Быо самъ као најпростіи Турчинъ, кои све што годъ пишу и кажу Дервиши, вѣрує, и да му ко рекне, да то ніє могуће, бы га на ма андаремъ пробоо. Читаюћи шта су неки радили, кои су се Христа ради будале чинили (нека свакъ ово добро забилежи: Христа ради будала), долазіо бы у искушеніє; а како бы было, кадъ бы се и я будаломъ учиніо? па да люди незнаду, да самъ я светаць, него да мысле, да самъ уродивъ! Турци су у овомъ пункту одвећъ орѣодокси (правовѣрни), ерѣ они свакога, кои є лишень ума, за свеца почитую. Но да су Христіяни кадъ могли у ову прелестъ пасти, имаюћи у руку премудру и здраву евангелску науку, томе се ніє могуће довольно начудити; но по свой прилицы, преварили су се неки, наопако разумѣваюћи Апостола Павла речи: *Мы уроди Христа ради.*

А ко є гди читао, да є благочинный и светонаравный Апостолъ нагъ по сокаку трчао, као што су они чинили, кои су Апостолске речи накриво и лудо толковали? Но шта не чини глупо и неразумно суевѣріє! Я самъ све то онда вѣровао, и ко бы се найманѣ што противъ рећи усудіо, быо бы предъ мо-

имъ очима еретикосъ и хулитель. Оваку пространну и широку вѣру имаюћи, нисамъ ли я могао по свакой правицы чудотворства даръ изискивати? Любезный читателю, ты ми се смеешь; и право имашъ, и я се самъ себи смеемъ; нити є право само други-ма смеяти се, добро є и себи кадкадъ. Мы се смеємо онима, кои су негда магарцу, на комъ є Христосъ яо, празникъ празновали, а сами се себи не сміємо вериге празнуюћи! Но ово є природно неразсуђенъ; свакъ се туђой суевѣрицы посмеява, а свою почитує и за свету држи.

А ако ћемо по души право судити, кадъ не пристои Христово магаре празновати, много манъ Апостола Петра вериге. Любезный Србскій Народе, немой ты мени за зло примити, што я нека наша злоупотребления обличавамъ; време є већъ, за живога Бога! време, да почнемо слободніє и разумніє мыслити! Докле ћемо туђе погрешке осуђивати, а наше сакривати и оправдавати! Нико се неће вавѣкъ вѣка исправити и поболшати друге укораваюћи. Разуманъ и правдолюбивъ човекъ одъ себе найпре починъ; себе испытує и сматра, себе суди и осуђує, нити себи ирашта, ако у чемъ криво има; ако ли ме ко, изъ свое просте ревности, осуди и похули, време ће показати, да ніє право имао. Ништа ми на свету ніє миліє ни любезніє одъ мога рода; но колико га выше любимъ, толико самъ му выше дужанъ правду и истину представляти и говорити. Радъ самъ срцемъ и душомъ после Бога, кои ме є создао, мому милому народу уго-дити; али не лажући, и истину свѣтлу као сунце подъ ноге бацаюћи, притворно и лицемѣрно за атаръ ни-

шући. Знамъ, да мой поштеныи и славный Србскій родъ то одъ мене неће ни искати.

О овей матеріи за садъ довольно; при другой прилицы выше ће се о томъ беседити. Мой просто-срдачный Игуманъ, съ кимъ бы годъ о мени говоріо, заклинаю бы се, да самъ светаць; но придодавао бы къ тому: боимъ се неће та светиня за дуго траяти. (Тако е и было). Сва бы ми братія то исто проричали, да се за луду мучимъ; да се іоштъ нико ніе у Опову близу Ирига поветіо, да нећу ни я. Некій бы ми се ругао, некій сміао као детету, а некій бы ме жаліо казуюћи ми, да е и самъ у младости тако прелаштенъ и обезумлѣнъ быо као я. Но друге године друга паметъ у глави. Изъ почетка самъ мысліо, да они све то изъ зависти раде: не будући свети, небы ради, ни да се ко другій посвети. Но мало по мало чрезъ дуго време лепо ти ме учинише, те изгуби волю къ светиниченю. Да нисамъ страшливъ быо, те да самъ кудъ у планину отишао, ко зна ништа бы было! Али, самъ у планину за главу, а другій се нико не нађе да самномъ пође, и тако ти остадо лепо до данасъ. А нека ми ко не замери, штоћу правицу рећи; и моя су ми Житія на некій начинъ доста крива; еръ бы наодіо многе, кои су ели и пили и господски живили, пакъ су међу свете метнути; а многи живили су како су годъ хотели, пакъ у саму старость покаjali се, и ништа манъ нису стражњи остали. Ово е све чинило, да самъ се волновао кадъ на едну кадъ на другу страну. При свемъ томъ читанъ кнѣига одъ данъ до данъ, све ми е то миліе бывало. Житія сва не само самъ оч-

тао неколико кратъ, него и свако самъ на кратко изписивао, и на овај начинъ знао самъ њи сва као наизустъ; после тога, обѣдъ духовный, вечеру духовну, беседе златоустове, Маргаритъ, каменъ вѣри, светага Ефрема, и друге различне књиге црковне, све сам я то съ великимъ вниманіемъ и усрдіемъ прочитао, и што бы ми се найугоднѣе видало, изписивао бы. Ова сва читаня, ту су ми ползу принела, да самъ нашъ старый Славенскій ѣзикъ привикао; а съ сруге стране была су ми штетна, као свима онима, кои ни найманъ Логику не разумію, како бы кадри были рассуђавати оно, што читаю; напуне главу свакояки понятія, мнѣнія и противречія, пакъ ходе пуни ветра, чинећи имъ се Богъ зна шта знаду! а не умѣюћи судити и рассуђавати сврхъ оногъ шта знаду, ништа не знаду, или бы много наметнии были, да не знаду ни оно, што знаду, еръ бы баремъ при обштемъ човечіемъ уму и разуму остали, пакъ бы были као остали люди. Мой е мозакъ быо пунъ смутнѣ Вавилонске. Ал онда я нисамъ се могао самъ себи начудити, како е могуће, да толике ствари знамъ! Пакъ бы се све молю, да ме Богъ сачува у смиренію, да не наднемъ у високоуміе и гордость, а та моя иста молитва произходила е изъ труле, смрдљиве и потайне понирљиве светиньске гордости. И заисто нема ти лукавіе ни високоумніе гордости одъ светиньске! ни опачніе кривоглавице и лудости одъ коекаквогъ читаня безъ рассуђеня. Имао самъ у любви некогъ младогъ Іеромонаха, Васілія Осечанина, еръ е и онъ весма любіо читанъ. Овај ме савѣтуе, да читамъ Баронія; коега читаюћи усладимъ се у Історию. Мой И-

гуманъ самъ ніе нимало привикнуть быо читаню, али
е весма миловао слушати одъ мене, да му казуемъ,
шта самъ читао, а сврхъ свега по вољи су му были
Історіе, зато гди бы годъ могао наћи грађанске руске
історичне кнѣиге, узимао бы іи мени на прочитаніе.
На овай начинъ почне се побуђавати у мени желя и
другоячіи кнѣига осимъ црковни. Мой стараць ви-
дећи ме сасвимъ предана читаню, непрестано бы ми
говоріо, да ћу кудъ у светъ поћи за наукомъ, и при-
додавао бы, да кадъ бы имао довольно трошка, бы
ме послао у Кієвопечерску Лавру, да се учимъ. При-
томъ и вышепоменутый Васіліе, кадъ бы се год сам-
номъ разговарао, похвальивао бы ми науку, и жаліо
бы што незна Латинскій езикъ, коєга е почео быо
мало учити, и знао е неколико діалога или ти разго-
вора, пакъ бы іи све нредамномъ говоріо и толмачіо
бы ми іи, башъ као да су се договорили были, да
ме подстрекаваю, нове неке желъ у мени поджижући.
Падне ти истомъ моя гордость, аки бы и я нешто
знао; Латинскій езикъ, то е езикъ! А я бѣднѣй ду-
ракъ ни речи не знамъ! квисъ, квидь, квомодо! уби,
убивисъ, убикункве; то е звечало у моима ушима,
слађе него сиринско пѣніе; а ништа одъ света тога
не знати! Болъ бы было да се нисамъ на светъ ни
родіо! Изгубе ти моя житія, лавсаикъ и отачникъ
све поштенъ. Одъ тога часа сбогомъ Опово и сва
твоя красота! Гди науке нема ни латинскогъ езика,
ту нема ни живота. На ма' бы кудъ у светъ тумаро,
да ми ніе было жао, оставити мога добраго и
благонаравнога Старца, кога самъ съ правомъ синов-
скомъ любви любіо и почитовао. Почнемъ зачиня-

вати и сачипявати мсе планове. Гди бы се могао е-данъ Дяконъ учити, развѣ у Кіеву или у Москви? У ово време непрестанно бы се кодъ насъ говорило о славной Великой Пешра кѣри Императрицы Елисавети. Я непрестано у уму и у срцу имаюћи Кіевъ, Москву и Русію; Владѣтелницу ты страна непрестано чуюћи да се споминѣ, и образъ нѣзинѣ на много мѣста изображенѣ видећи, наравно морао самъ кад годъ о томъ и саняти. Видимѣ єдномъ на сну Руску Царицу на престолу, сву као у сунце обучену, коя ми да изъ свое руке єдну кнѣигу отворену, съ разни єзыцы, говорєћи ми: *Учисе*. Пробудивши се одъ сна толковао самъ мой санъ по моіой желѣи. У то исто време Митрополитѣ за нешто срдитѣ на мога старца, сметне га са Игуманства, и заповѣди му, да поѣе на неко време у Шишатовацѣ, нити му се дозволи, да мене са собомъ поведе. Онѣ полазећи у речено мѣсто, даде ми петнайсть дуката; (мало є выше и имао, за свою особиту кѣ свомъ манастиру вѣрность). При нашемъ растанку овай ми разговорѣ учини:

„Мой Синко! чиними се, да се неѣемо выше у животу видити. Я знамѣ, да ѣешь ты кудгодъ за наукомъ поћи. Жао ми є што ти выше не могу дати: живећи у єдномъ манастиру имуѣу, нисамѣ желію, да мой особиты новаца имамѣ; а садѣ жалимѣ, што нисамѣ колико толико заштедію, те бы те садѣ болѣ могао оправити; но съ ово мало можешѣ до Кіева доћи; а онде ако будешѣ трудолюбивѣ и у науцы прилѣжанѣ, небесный Промисао неѣе те оставити безѣ хлѣба. Пустинѣ, пештере и светиниченѣ извади изѣ главе, томе се данасѣ разумни люди ругаю. У да-

нашній данъ ко се годъ за свеца издае, или е каква лажа или фантазира. Ученъ жели и тражи, колико выше можешъ; нема горегъ живота одъ беспослична и унљива. Колико самъ те я познати могао, ако се ты науцы не предашь, ты ћешъ жалити што си се покалуђерио; ты ниси ни за какавъ другій посао, него за књиге. Колико самъ я простъ и неученъ, мени е миліе видити ученогъ младога Раића, него четири вселенска Патріарха, кои бы были безъ науке као я. Видіо си га како е младъ и безъ браде; алъ кадъ стане беседити, мы сви съ великимъ брадама гледамо га као да смо изъ дивіегъ вилаета дошли. Я ти за мене кажемъ, стидимъ се и сраимъ мое съде на образу браде. Нашъ савъ животъ пролази у старанію и у говоренію за казане ракійске, за каце, бурадъ и обруче; наша е сва наука у томе, да познамо колико е комъ вину и шљивовицы година. Иди за наукомъ, съ нѡмъ ћешъ свудъ пристати, и твоє живљнѣ поштено заслужити. Мой синко! Прошла су она глупа и слепа времена, кадъ се е међу нами говорило: болъ е шесть вранаца у каруца, него шесть школа у глави. Садъ се време преокренуло. Ученъ човекъ ако ће и пѣшице ићи, сваки га поштує, а неучена видећи гди се вози на вранцы: вранцы вранца вуку, говоре, и право имаю! Ты видишь, како ме люби Господинъ Баронъ Марко Пеячевићъ. Одъ како смо се годъ познали, любимо се као да смо рођена браћа. Наше се нарави тако слажу, да се никадъ еданъ другомъ омразити не можемо. Онъ ми непрестанно фали науку, и каже, да у садашнѣ време принципски синови, ако нису учени, мало поштена имаю.

Онъ има обичай рећи , да богатъ човекъ безъ науке (валя овде разумети такога богатца, кои съ богоданнымъ своимъ богатствомъ никаква добра обществу и роду своему не чини, даръ божій закопанъ и сакривенъ држећи) подобанъ е волу съ позлаћены роковы. Казуе ми, да цесарски и кралъвски синови и кћери сву свою младость учећи се проводе, и савъ животъ у читаню кнѣига. Я само чуемъ имена науке и фѣлософѣе, нити знамъ црне ли су или беле; али толико памети и разсудка дао ми е Богъ, да могу разсудити, да те ствари мораю быти врло потребне, полезне, велике и славне, кадъ Цари и Кральи безъ нѣи не могу быти. Некій данъ си ми казивао, шта си читао у оной Руской Історіи, колико се е *Пешаръ Великій* старао, увести у царство свое свакояке науке, и чрезъ то, велико и безсмертно име осимъ свію Землѣдржаца, кои су пре нѣга на свету были, задобью, славу народа свога до самы звезда узвысію, и своимъ благополучнымъ и високомогућнымъ Наслѣдникомъ, кои буду по нѣговимъ богоуправляемимъ стопама ходити, путь къ безсмертію показао и отворио. Свемогућій, преблагій, вышній Творче! смилуйсе на створеня твоя, и таке премудре и чловѣколюбне *Цесаре и Цесарице* производи чешће на светъ, кои ће сву Европу, Србію, Босну и Херцеговину, наши стары мило отечество, Болгарію, Грецію, и остале божіемъ раю подобне землѣ одъ тиранства, глупости и варварства избавити и ослободити!“

„Некъ мумла, ко е лишень разума, на мудрость и на науку као совуляга на сунце, говорећи, да оне измышляваю нова мудрованя: Не слушай ты зато ни-

кога ; што паметни Фале, съ толикомъ жельомъ и трудомъ ишту, и сврхъ свега на свету любе и почитую, оно мора добро быти. А ко виче на науку? Они, кои находе све свое благополучіе у чанку и бокалу. Вѣруй ми мой синко! кадъ годъ чуемъ младога Раића да беседи, уздишемъ за моіомъ младошћу, и да имамъ какву власть, све бы ове наше манастире у школе и у училишта преобратіо. Зато послушай ты мой последний савѣтъ: извади изъ главе то твое светиниченъ ; я ти задаемъ мою сръску вѣру, да изъ тога неће ништа быти; тражи науку и гладуюћи и жеднећи, и наготуюћи. Я ти выше желимъ, да у едномъ маломъ сеоцу будешъ мале деце учитель, него у Онову Игуманъ или Архімандритъ. И ако ме послушашъ, (како знамъ даћешъ) благосиляћешъ ме, кадъ у гробу будемъ.“

Ово е послѣдній разговоръ мога милостивога Оца и Благодѣтеля. Онъ ніе нимало науке имао, но ништа манъ быо е природнымъ здравымъ разумомъ и разсудкомъ одаренъ. Родомъ е быо изъ Србіе изъ Београдскога предѣла, свагда весео, чистосердечанъ, поштенъ колико се выше може, благъ и непорочне нрави човекъ, и зато у цѣлой Славоніи, Срему и Бачкой, малимъ и великимъ, господарима и госпояма любезанъ и благопріятанъ. Быо бы на кратко време, еданъ мінуть или два, лютитъ и напрасанъ (страсть природна чистосердачны и безъ сваке притворности людій). Близу три године, колико самъ при нѣму быо, само бы се тада на ме разлютіо, кадъ бы ме видіо, да безъ сваке неволѣ гладуемъ. На три месеца по нашемъ растанку престависе у Шишатовцу, гди самъ

му быо на погребу , и оплакао самъ га као годъ май-
ку мою. Благодаримъ преблагомъ небесномъ Про-
мыслу , што ме е сподобіо ово благополучно живота
мога време дочекати, да покажемъ вѣчну мою благо-
дарность памети нѣговой. Име и успомена нѣгова бы
ће ми , докъ самъ годъ живь, драга и любезна. На-
зивао се е *Теодоръ Милушиновичъ*.

СВРШЕТАКЪ

П Р В Е К Н Ъ И Г Е.

Пре него доѣмъ другомъ періоду мои Приключенія, како самъ т. е. изъ Олова изишао, за пристойно и потребно находимъ, приложити овде еданъ разговоръ, кога самъ сврху досадъ издате матеріе, съ єднимъ пріятелѣмъ имао, коєму како бы што сложіо и начисто преписао, пре него бы штампару предао, саобштавао самъ, нѣговъ совѣтъ иштуѣи, и сврхъ свачега, заєдно съ нѣимъ рассуѣаваюѣи, и беседеѣи. Нѣга ѣу представити овде подъ именемъ *Зилошіа*, и описа ѣу што самъ съ нѣимъ беседіо, коє ѣе служити за изяснѣнѣ предиздате матеріе.

Я: Молимъ те любезный мой, кажи ми чистосердечно, шта мыслишь о овомъ, што си досадъ читао; могу ли се надати, да ѣе на какову ползу быти?

Зилошіе: Да ты пишешъ за еданъ народъ, кои сваку стварь мѣри, суди и рассуѣує, слѣдуюѣи правилами здраваго разума, я небы имао ништа противъ

твога писаня рећи, будући да самъ и самъ тота мнѣ-
нїя, да само они народи могу се надати, да ће бла-
гополучни постати, кои просвештаваюћи се наукомъ,
одъ данъ до данъ исправляю се, и на болъ успѣваю
аспознаваюћи и предпочитуюћи полезніе одъ непо-
рлезніега, и болъ одъ горега. Теби є добро познат до
гађай, кои се пре неколико година єдномъ Цариград-
скомъ Патріарху случило, кои є хотео постъ Петровъ
и Рождества Хрїстова одъ седамъ дана учинити, како
су изъ почетка были; како се є народъ противъ ивга
узбунтовао, и малъ га ніе убіо. Зато друже мой, гле-
дай шта радишь! Ты хотећи да у омразу метнешь
злоупотребленя и коєкакве суєвѣрице, боимъ се да
самога себе у омразу не метнешь; а навластито ако
те гди калуђери увате, тешко твоимъ леђма! Немой
рећи, да ти нисамъ казао, али ништа, съ пребїены
леђи, добыти честь, да се Србскїй Сократъ назовешь,
опетъ много выше добїашь.

Я: Иди ты съ Богомъ! Име є Сократово красно
и славно! али се леђа по улицы не наоде: Не бы ли
се то како могло и съ маньимъ трошкомъ проћи?

Зил.: Съ каквымъ маньимъ? Патріархъ ни Епископъ
ниси, да те съ престола сметну, као што су Цари-
градскога сметнули. Свештенство да ти узму? и тако
кажешь, да у твоємъ отечеству не примаю те за то,
што си се у Црной Гори запоію. Шта ће ти друго
узети? ванъ да те разкалуђере?

Я: А они некъ разкалуђере, пакъ ће видити!
Безъ шале любезный Зилотїе, видишь ли какво самъ
ти лепо име дао *Зилошїе*, то есть Ревнитель; учини
се као да си правый ревнитель, и говори што годъ

можешъ себи уобразити, да се правично може противъ досадъ многъ написаны стварій рећи.

Зил.: Као какавъ Ревнитель оћешъ да ти говоримъ? Ты знашъ, да наши прави ревнительи хоће и иаискую, да народъ вавѣкъ као подъ уларомъ остае, да слепо слѣдуе и вѣруе све што му се каже. И што имъ се найманъ противъ стары обычая види, проклиню и, чуй! *ешо куряка!* вичу.

Я: Нећу брате, да си такавъ ревнитель; нећу да си као они, кои хуле съ анаеамама на све оне, што у среду и у петакъ зейтинъ и рибу еду; буди ми разуманъ, умѣранъ, просвештенъ, и правдолюбивъ ревнитель, кои нити новине тражи изъ лакоумія, нити се старина држи изъ суевѣрія. Я не похваляемъ оне, кои неизвѣстіемъ и непостоянствомъ ума водими, као лептирићи безъ свакогъ узрока сѣмо и тамо лете, нити пакъ оне, кои за неразумудакъ у свеконачномъ нечувствованю, као за плотъ привезани, остаю. Само оне похвале достойне наодимъ, кои, познаваюћи цѣну богоданне свободе ума, само на добро е употребляваю; како на добру постоянни, тако и у ономъ што познаду за болъ и полезніе, разумомъ и словесностию управлени, къ измени, кое ньюво исправлянъ, поболшанъ и благополучіе узроковати може, готови су.

Зил.: Кажи ми, коя е намѣра твога писаня, по комъ се надати можешъ, да ће твои единдплеменицы моћи познати, да ты безъ свакогъ пристрастія и интереса поступаешъ? Знашъ да све за тимъ стои, кадъ братія наша познаду еданпутъ чистоту нашего намѣреня, и нашу вѣрну къ нѣима любавъ, добровольно наша предлаганя и савѣте примаю; и што е выше,

ако у чему као люди и погрешимо, радо намъ праштаю. Познатъ ти є стихъ Навмахіа —

Ніє такогъ породила мати, вѣрне нарави ко неће познати.

А што самъ powyше рекао, ерѣ како кажешъ, да намѣравашъ одавде поћи у Паризъ и Лондонъ, мучно ће те кадъ твоє отечество видити; какво є твоє любопытство, знамъ, да ако добру прилику намѣришъ, поћи ћешъ и у Америку.

Я: Имашъ право Зилотіє, нећу да светъ рекне, да самъ се залуду покалуђерио. А што пыташъ за мою намѣру, могао си є изъ предговора познати. Но кадъ ти се тако любви, чуй оцетъ на кратко. Ове су две моє главне намѣре. Прво, даємъ прикладъ ученима народа мога, да на нашемъ простомъ діалекту пишу и на штампу издаю; друго, да мои единоплеменни усуде се сврхъ сваке ствари слободно мыслити, и све што чую, да суде и разсуђаваю. Ты знашъ добро любезный мой, да сви народи, кои само при старимъ мнѣніама и обычайма остаю, мораю како годъ остали азіатски и африкански народи, у вѣчној очаяној тами и неразумію лежати, не мыслећи, не разсуђуюћи, и не чинећи никакова употребленя богоданого разума и словесности; нити примаюћи какавъ прикладъ одъ други учены и просвештены народа; остаю за вавѣкъ у свеконачномъ и плача достойномъ безсловесію.

О колико смо дужни мы благодарити небесномъ Промыслу, што се наодимо међу учены и просвештены народи, а особито подъ управленіемъ Праведнѣйшега, Премудрого и Богопросвештеного Владѣтеля, кои

ничимъ не дише, развѣ любовію и отеческомъ милости въ поданнимъ своимъ! Ништа онъ не жели, ни ти иште, развѣ обште благополучіе народа свога. Подъ сѣнкомъ крила нѣговы цвѣта наука, правда и обшта любовъ тріумфира, и побѣдную пѣсань пое; разумъ, словесность, и мудрость царствую. Нико се садъ не бои, да ће му ко у законъ дирати! Никомъ училишта и академіе нису затворене! Зрацы просвете ума и разума, на све наше народе изобилно и богато изліваю се! Зашто дакле да непознамо небесну милость и толико благодѣяніе? Зашто да не почнемо разумно и слободно, као словесни люди мыслити? Зашто да не дрзнемо и да се не усудимо, полезніе не-полезніему предпочитавати? Докле ће сродни наши у старой простоти лежати? и изъ свое простоте и неразумія таковимъ уредбама Началны свои, коя на саму нѣову велику ползу бываю, противстаяти и противити се? Зашто, како се што почне противъ стары, плесньивы и зарѣаны обычая чинити, на ма да вичу: пропадосмо! пропаде православіе! и да дижу руке на Архіерее свое? и то *Србљи*, коима е Богъ дао здравъ умъ и поштено срце! — Та живимъ те Богомъ заклињмъ! буди Ревнитель! но словесный и разумный ревнитель, и кажи ми: оће ли православіе пропасти, ако народъ не буде вѣровати, да има вампира, да има вештица, да има врачарица, и по воздуху митарства? Оће ли православіе пропасти, ако се мртви не буду око цркве, но изванъ градова, варошій и села закопавати? Оће ли православіе посрнути, ако народъ не буде други празника кромъ Неделя, Христовы и Богородичины, празновати, и у ль-

ности, и нераду цѣлу трећу часть године, за толико множество светковина губити? Лѣность и нераднѣя нѣ ли смртный грѣхъ, штетанъ и пагубанъ тѣлу и души? Зашто да не познаду, да у светкованю толики Светаца нѣдна длака православія не стои? Зашто да имъ се не каже, да су ове ствари измышлѣне на шестъ и седамъ стотина година после Спасителя Христа и Апостола? Кажи брате по души и по савѣсти твоіой, оѣ ли што найманъ вреда благочестію и православію быти, ако калуѣера нестане, кои нису ничимъ, развѣ црнымъ альинама, неженидбомъ и именемъ калуѣери? Небы ли много полезніе и болѣ было, и за православіе и за народъ, да се сви манастири у школе и училишта преобрате, и съ нѣювы доодцы да се воспитаваяю и уче сирота народня деца, коя намѣраваю, да съ временемъ свещеницы и учителя народни буду? Нека доѣе найвеѣій *Ревнишель*, и нека га не стои вика, съ нѣговымъ анаѣемама, него, ако е Христіанинъ, негъ ми каже, наука Апостола Павла нѣ ли православна наука? да Епископъ како годъ Пресвитеръ и Дяконъ не само може, но да мора быти єдне жене мужъ? „*Подобаешъ! подобаешъ!*“ (вели сосудъ избранный) *Епископу быши єдинія жени мужу.*“ Коя е наука православія и благочестивія одъ Евангелія Спасителѣва, коя обличава и укорава лицемерне и дуге молитве и постове? виче, виче благій и єдиный Законодаваць истиногъ православія и благочестія, зашто люди ради човечіи преданія пребрегаваю и оставляю заповѣди Божіе! Правда и истина може ли православію быти противна? Време е веѣъ да народъ позна, да су црковни Оцы люди

были, и да су у многима стварма погрешили; и ніе се чудити; люди никадъ до вѣка, ако ће и свети быти, не могу быти безгрешни, то є све залуду; самъ є єдиный Богъ савршенъ и безъ грѣха. За колике читамо, да су свети были и чудеса чинили, пакъ су после свега тога у смртне грѣхе пали! Ніе ли познато, да су цѣли сабори отаца проклетству и анаѳеми предали оне кои ће вѣровати, да се наоде антиподи (противножци)? А садъ има већъ близу три стотине година, да є савъ свет искуствомъ познао, да они Оцы ништа нису знали у томе, и да су врло неразумно чинили проклињући друге, кои су разумніе одъ ный мыслили. По правой правицы, ко другога неправедно проклинь, нѣгова клетва мора на нѣга пасти. Но Богъ ће милостивъ быти и светимъ оцима, као и другимъ людма, ерѣ су и они люди были; зато нису могли безгрешни быти. И што ћешъ выше! у ове погрешке поклизнули су Василіе великій, Іоанъ Златоустъ, и Августинъ. Я овде не мыслимъ съ Оцы процесъ терати, но толико роду мому истину кажем, да знаду, и да се не плаше као деца у помрчини; да ако кадъ Началницы и Поглавари буду хотели на пользу общества што противъ стары обычая установити, нека мысле као разумни и словесни люди, и нека се за свою простоту своіой ползи не противе. Зашто смо друго примили одъ Бога разумъ и словесность, развѣ да се съ нѣима служимо свагда, мыслећи и рассуђаваюћи? Што я могу мыслити одъ єдногъ човека, кои ми вели: теби ніе допуштено ни мыслити, ни рассуђавати; или, ако се кадъ усудишь што мыслити, да не дрзнешъ што другоачіе помыслити, него како су

они и они мыслили! што ли одъ другога, кои ме другоачіе савѣтує, говорєи: Вѣруй Евангелію, кое говори: *Истинни поклонници кланя ѣе се оцу небесноме духомъ и истиною?* Духомъ т. є. памєћу, разумомъ и словесностію, то єсть, знаѣе комъ ѣе се кланяти, како, и зашто. Неѣе се кланяти, нити као безсловесна животиня, нити као робови, но духомъ као разумни, словесни, слободни, и као синови. Духомъ и истиномъ! т. є. тражи ѣе и нознава ѣе истину; неѣе се бояти ни страшити истине. Богъ є истина! зато, о словесный човече, мысли, суди, рассуѣавай и познай. Савъ светъ да ти рече, да си слєпъ, ты имаюћи очи чисто видєи, не вѣруй свему свету; сав светъ да ти рекне, да два и два не чини чєтири, немой му вѣровати, то є противъ искусства; савъ светъ да ти рече, да ѣе Богъ у вѣчну муку и у вражіє руке предати оне, кои єду у средѹ и у нетакъ рибу и месо, немой му вѣровати, то нїє могуѣе; то ни турскій Царъ небы учинію; то є безуміє и хулѣніє, рєи, да праведный Богъ може такову ужасну и нечувєну неправду учинити. Али су свети Оцы анаѣеми и вѣчной муцы предали оне, кои у постє рибу и месо єду! У томъ оцы имаю врло криво, нити они имаю власть проклинати свѣтъ и люде, нити ѣе се нѣюва клетва и длаке примити, неразсудна и неправедна будући. У она времена то є некаква мода была, да народи єданъ другога проклиню; садъ су люди много намєтѹи, не даду се проклинати, не зато, што бы се бояли, да їи се клетва не прими, но примаю клетву за псовку, а то нїє допуштєно, другє кои штогодъ другоачє одъ насъ мыслє, карати и псовати.

Зил.: Добро, добро! али ты знашъ, да твои Србљи, кои нису научени слободно мыслити, како те новине одъ тебе чую, рећи ће, да си Еретикъ. *Я*: Некъ рекну, што имъ драго, я се уздамъ, да ће време показати, да нису право имали. А неће сви рећи небойсе; наоди се у данашній данъ Србала, кои мужки мысле, суде и разсуђаваю. А време є већ да и простый народъ не варамо! Познаваюћи чисту истину, и не казуюћи ю, съ каквомъ савести мыслимо предъ Бога доћи? Како бы ко могао по правди рећи, да самъ Еретикъ, видећи ясно, да я ништа друго непотврђавамъ, развѣ чисту Евангелску и Апостолску науку? Новине никакве не уводимъ, него и оне, кое су противъ светога Евангелія уведене, одмећемъ. *„Никога не проклиньше, но благосиляйше. Ради човечески преданія не оставляйше заповѣди Божіе!“* Ово є кратка и блага Христа Спасителя наука! Ово я мудруемъ! зашто ће дакле рећи, да самъ Еретикъ? Съ мое стране ево шта ћу имъ я рећи: Поштеный роде србскій! Мила браћо, немойте ме укоравати ни осуђавати; разсудите, да ово што вамъ говоримъ, не говоримъ ни за какавъ мой интересъ; не иштемъ одъ васъ никаква достоинства, не иштемъ богатства! желимъ и иштемъ вашу ползу и исправлѣніе. Пытайте браћо учене и разумне люде, кое су праве и истините добродѣтели Евангелске? Каза ће вамъ, да су оне!, кое се рађаю изъ любви къ Богу и къ ближньому. Праведно, поштено, и човеколюбно срце и живлѣніе; словесна, разумна, и слободна любовь ко истини; Господу Богу поклонишия, и тому единому послужиши; возлюбиши ближняго твоего. Ево наука чиста и

света! коя узрокуе све вѣчно и временно благополу-
чїе човеческога рода. Садъ метни прама овой науцы
ону другу: онда да не едешъ месо, него само сиръ и
ля, а онда ни рибу, а онда ни зейтинъ ни айваръ, и
т. д. Ако ли се усудишь зачинити сочивицу твою са
зейтиномъ, проклетъ и анаеема! — — Бре буди ты
паметанъ! зашто проклетъ? и каква те анаеема на-
шла? — — Шло самъ ти я кривъ? — Тако су све-
ти Оцы установили! — — Иди ты съ Богомъ, то нїе
нимало паметно; да наши Архіереи што таково данасъ
установе, кажи по души, были имъ во рекао, да су
паметни? а што годъ данасъ не може быти правед-
но, паметно и разумно, то нїе могло ни пре насъ, ни-
ти може после насъ быти.

Зил.: То бы потреба была, да Архіереи настое,
и народу казую, а догодъ они муче, мора стварь оста-
ти како е.

Я: Не стои брате ни за Архіереи, вѣруй ты ме-
ни; мы данасъ имамо Архіереа учени и разумны, сло-
бодны сваке суевѣрице и фанатичества, но да право
речемо, незнанъ и простота народа свему е узрокъ. А
знашь ли какавъ е народъ, кадъ мысли, да ревнуе
за вѣру и законъ? Зато нема ти никакова друга сред-
ства, развѣ наука и кнѣиге. Учени люди валя да на
простомъ ѣзику пишу, и тако мало по мало обикну-
ће се савъ народъ мыслити и рассуђавати сврхъ сва-
ке ствари. А друго, сву ону децу, коя мысле да све-
штеницы буду, на науку, на науку! Како сви мїрски
Свештеницы буду просвештени, умало времена про-

светиће се и народъ; и онда моћи ће Архіереи свою дужность чинити. Казивао самъ ти пре неколико дана, што се є єдномъ нашемъ Епископу у Вршцу случило, пре три или четири године. Пакъ садъ суди, ко бы было радъ, да га піяни и разярени люди чупаю и газе.

Зил.: Право велишъ; и кодъ насъ у Грчкой наоди се правдолюбивы Епископа и свештеника, кои уздишу и жале се на злоупотребленя, коя бываю, а найпаче зли и опаки обичаи, да калуѣери носе по вароши, по селы, по кућа и по пазары, пуне сандучиће костію, ручны, ножны, леѣны и свега тѣла, а найпаче множтво зуба. Богъ їи вишній знао, чи ли су какви ли су! Кажу, да су тога и тога Свеца кости и зуби; принуѣваю люде, да їи цѣливаю, и да милостиню на ньи даю. Ніє то све; носе и коекаква парчета стары альина, па Кажу, или да су одъ Богородичне альине, или одъ когъ другогъ Свеца; носе и парчета гвозѣа, увѣраваюћи, да су одъ Апостола Петра верига, или одъ Хрїстовы ексера; носе коекакво трїѣ, аки бы одъ Хрїстова вѣнца было. Шта ћешъ выше? носе грудве црне землѣ, издаюћи, да су помѣшане съ крвлю тога и онога Мученика. Іудеи намъ се смею и ругаю, и веле да смо гори одъ стары Идолопоклоника, ерѣ они нису се кланяли костима, крпама, грудвама, трїю, и гвозѣу. А Турцы, нестаю само при посмеваню, но гаде се, псую, руже, плюю на калуѣере, и нѣюве сандучиће. Шта мыслишъ, како є разумнымъ Грцима тай покоръ и срамоту гледати! А найпаче Архіереима! Но шта ћешъ

да чине? Увео се и укоренію тай старый обычай; простый народъ неће да остане безъ моштию и костью; ко бы се усудио рећи, да све те мошти и кости и зуби и парчета альине и гвозђа и грудве, у землю валя законати. У землю! На ма' бы се простый народъ, заедно съ калуђеры, кои съ тима стварма тргую, и новце купе, на нѣга подигли, узбунили, и за Еретика бы га огласили. Ништа друго дакле, развѣ, Богъ да се смилуе, да се кадъ оне земль ослободе, и да се наука уведе; и тако шатъ се кадъ суевѣріе и злоупотребленія истребе и искорене.

Я: Све я то знамъ брата Зилотіе, и све то што кажешъ, очима моима самъ гледао, на Калавритскомъ и Триполитскомъ пазару у Мореи; познавао самъ и едногъ учителя именовъ Парѣенія у Триполици, кои бы горко жаліо противъ овы бѣдны обычая, противъ кои и кнѣигу е одну на простомъ грчкомъ езику издао быо; но погоди шта е было! Све су му кнѣиге сажегли, и за малимъ е остало, да нису и нѣга заедно съ кнѣигама спалили; и да су смели одъ Турака, заисто бы га сажегли жива; ерѣ се е усудио быо противъ сабора, дуги постова и мртвы костью писати. Но благодареніе буди благому небесному Промислу, у овимъ просвсштенымъ земляма се тога немамо бояти. А особито познаваюћи мужественый характеръ и поштено срце свію Славенски народа одъ Црне Горе до Баната, уздамъ се, да ће съ любви примити моя представленія; познаће мою чистосердачну, безпристрастну и братолюбну намѣру. При томъ молимъ боголюбиве Архіерее и остале све-

штенике и дяконе мірске, да по души и по савѣсти
своіой кажу народу, есамъ ли слѣдуюћи чистой Еван-
гелской науцы писао, а сврхъ свега, Богъ иреблагій
и милостивый, кои е самъ вѣчна правда и истина,
да се смилуе на све насъ, да намъ отвори очи ума,
да познамъ шта е полезно и потребно нашему благо-
получію временому и вѣчному!

П Ъ С Н А

НА

ИНСУРРЕКЦИЮ СЕРБИАНОВЪ.

ПОСВЕБЕНА СРБИИ, НѢНИМЪ ВИТЕЗОВИМА, ДЪЦИ И
ВОЙВОДИ ГОСПОДИНУ

ГЕОРГІЮ ПЕТРОВИЧУ.

Штампана у Венеціи 1804.

Востани Сербіе! востани Царице!

И дай чадомъ твоимъ видѣть твоё лице,
Обрати сердца ихъ, и очеса на се,

И дай нѣма чути сладке твоё гласе.

Востани Сербіе!

Давно си заспала,

У мраку лежала;

Сада се пробуди,

И Серблѣ возбуди!

Ты воздвигли твою Царску главу горе.

Да те опетъ позна и земля и море.

Покажи Европи твоё красно лице,

Светло и весело, како видѣ данице.

Востани Сербіе!

Давно си заспала; и т. д.

Спомени се Мати наша! твое перве славе,
Твои враждебника ты посрами главе.
Дивіегъ яничара терай са Врачара,
Кои свогъ истога садъ неслуша цара.
Востани Сербіе,
Давно си заспала; и т. д.

Теби садъ помаже небесна воля,
И садъ ти се показуе судбина боля,
Сви ближњи твои теби добра желе,
И дальни се народи твоємъ добру веселе.
Востани Сербіе!
Давно си заспала; и т. д.

Востани Сербіе! Мати наша мила!
И постанй опетъ, што си пріе была.
Сербска теби воию искрена чада,
Коя храбро воюю за тебе сада.
Востани Сербіе;
Давно си заспала; и т. д.

Босна Сестра твоя на тебе гледа,
И не жели теби никаква вреда.
Ко тебе не навиди, небои се Бога,
Одъ коега теби иде помоћь многа.
Востани Сербіе!
Давно си заспала; и т. д.

Херцегова Земля и Черная Гора,
Далеке државе и острови мора:
Сви теби помоћь небесну желе,
Све добре душе теби се веселе,
И согласно веле:
Востани Сербіе!
Давно си заспала,
У мраку лежала;
Сада се пробуди,
И Серблѣ возбуди!

Д. Обрадовићъ.

П Ъ С Н А

О

ИЗБАВЛЕНЮ СРБИЄ.

О Вѣкъ златный! О мила времена!
О веселя и сладке радости!
Сербія е наша избавлѣна!
Блага желя одъ наше младости!

Мусе, кѣри неба Господара,
И Граціе, три миле Сестрице!
Гласъ ми дайте високогъ Индара,
Даръ да славимъ Божіе Деснице.

Иосифа Вшорогъ, славногъ владѣтеля,
Великога Римскога Цесара,
Сербіе миле благогъ Спасителя,
Кои силу султанску обара.

Сербія е мила избавлѣна!
Некъ воше и Дунавъ и Сава;
Сва е желя наша испунѣна,
Каква е то Цесарова слава!

Орле хвалный, Бѣлиграде славный!
Узвишуйсе превише облака,
Гласи твои некъ су Свету явни,
Бръ у теби већъ нема Турака!

Нейма Ооца ни луды Аѣа!
Гордельивы нейма Яничара!
Нити Турски Аага ни спаія!
Ни ньювы ножа ни анѣара!

На верховы високи планина,
Некъ се чую пѣсне одъ юнака!
По ливадамъ веселы долина,
Сладки гласи Сербски девояка.

Нека пою и весело кличу,
На похвалу Римскому Цесару!!
Вивать *Иосифъ Вшорый!* нека вичу,
Сербіе миле, милый *Господару!*

Сладкопѣвна Луря Аполлона
Нека свое гласе произноси,
И некъ слави храброгъ *Лаудона,*
Аустрія съ коимъ се поноси.

О вовѣки предрага Имена
Иосифа и Екашерине!
Васъ ће славит' премнога племена,
Зашто крозъ Васъ турска сила гине.

И Варварство! и Глупость! и Туга!
Све то скупа изъ Европе бѣжи;
Мучителство пропада и куга,
Брѣ Варваринѣ садѣ у прау лежи.

Жителнице премудре Парнаса,
Шіеріе Пинд' и Еликона!
Вашега є то достойно гласа,
Кодѣ Дунава што бива и Дона.

Славна дѣла Саксонскога Кнеза,
Кобурга намѣ храброгѣ Генерала,
Суварова, Россійскогѣ Витеза,
Предѣ кима є Турска сила пала.

Везирѣ силный ланце съ собомѣ вуче,
Да съ нѣим' наше витезове веже.
Свое Турке изѣ топова туче,
Безѣ обзира видећ' ии да беже.

А кадѣ види, да є до неволѣ,
И самѣ ити да изнесе браду;
Нейма веће до везаня волѣ,
Юнацы се везати не даду.

Яничари тужне гласе дижу,
Што пре могу беже безѣ турбана;
Ако оће да праа не полижу,
Нить одѣ себе да чине курбана.

Правдо Бож'я и Судбино Света!
Твое око никада не дрема;
За неправду ово є osveta,
То некъ чека ко годъ правде нейма.

Высите се Орли Двоєглавни,
На Врачару, Тавру и Кавкасу!
Вы сте сада на свемъ свету славни,
Брѣ се съ вами нове землѣ красу.

Сербія мила садъ у нѣдры носи
Цесарова Славна Наслѣдника;
Нѣга любви и съ вѣимъ се поноси,
Босни каже: *evo моя дика!*

Сестру свою любко увѣщава,
Да не губи време, шта већъ чека?
Сунце сія; некъ се просвештава!
Некъ не лежи у мраку довека!

Доситей Обрадовићъ.

Любезный Харалампіє,

Здравствуй, Хрістоєъ воскресє!

Небу я чекати, да пробу две године, за одговорити човеку, любезнику и пріятелю, како ноти неки обычаваю. Я бы ти быо на ма' по пріятію твога писма одписао, да нисамъ судію за болъ, чекати, да прође време плача и сѣтованя, време глада и уви виканя, еднымъ словомъ, време великога поета, кадъ насуль царствує и нѣгова сестра сочивица; гра и купусъ земльомъ управляю:

Ево време златно и весело,
Кадъ намъ ніє забранѣно ело!
Евангелска царствує слобода,
Сбацыв' ярамъ съ човеческогъ рода.
Давидъ пророкъ у тимпане свира,
Некъ попъ выше у тріодъ не дира,
Пентикостаръ кнѣига превесела,
Пое Христа Спасителя дѣла.
Деца лебацъ у яйца умачу,
И съ яганьцы по травицы скачу.

Србске кѣри младе на удаю,
Цвеће беру, венце сплетаваю:
Са ружицомъ прси свое красе,
И веселе узвышую гласе,
На похвалу Римскога Цесара,
Аустрійскога двора Господара:
Іосифъ второй, милый владѣтелю,
Сунце свѣта, и благодѣтелю!
Блажена е майка Те родила,
Света сиса, коя Те доила.
Мінерва е, богиня мудрости,
Просветила духъ Твой одъ младости;
Оемисъ съ Тобомъ на престолу седи,
Изъ уста ти Астреа беседи,
Та по земљи давно съ Тобомъ ходи,
А садъ свое плане производи.
О вѣкъ влатный! о сладка времена!
Кадъ е обшта любавъ ужежена!
Среѣне смо мы, среѣне кѣри србске,
Све девойке Влашке и Маџарске;
Неѣмо с' веѣъ боят' манастира,
Нитъ божіегъ отрицати міра;
Любавъ чисту неѣмо гасити,
Нитъ естества законе газити.
Благо нама! мы ѣмо быт' майке,
И раѣати Цесару юнаке.
За савъ рѣдъ нашъ мы ѣмо г' молити,
Са сузама нѣму говорити:
Свѣтла круно, Іосифе великій,
Простри милость твою на родъ Србскій.
Ты обрати лица погледъ благій!

На дедова твои народъ драгій.
На Србію бѣдну, и на Босну,
Кое трпе работу несносну.
Буд' подобанъ неба Господару,
Дико Света, Пресвѣтлый Цесару!
Излій на светъ превысоке даре,
Дай Болгаромъ нѣюве боляре!
Твоимъ Срблѣмъ витезове старе,
И Греціи нѣзине Пидаре.

Ово самъ време чекао, да ти весео, весело,
веселомъ пишемъ, являюѣи ти, да се здраво
наодимъ, и мирно живимъ, неимаюѣи никакова
посла съ Фрушкогорцы нитъ са Светогорцы,
каноти вы тамо. Тако су те греси твои пости-
гли; и да нисамъ се я за те молю, горымъ бы
путемъ прошао него си. Знашъ ли, како си са-
мноу управлю, кадъ 'но проѣо послѣдній путь
преко Треста? Иди у Венецію, пакъ се опеть
врати, пакъ ѣемо тако и онако урадити. Я ти
вѣрова све одъ точке до точке. Ко не бы Ср-
бину вѣровао? пакъ ти одо шетатисе по граду
на води; пакъ ти поарчи све што имадо; пакъ
ти се врати го' нагъ као малый претъ, съ пу-
номъ кесомъ надежде. После шта е было, знашъ,
нѣе потреба да ти повѣдамъ! и да среѣа не до-
несе Господина Варлаама, прошао бы кудъ ни-
самъ мыслію. Ето ти твой посао! пакъ хоѣешъ
да ти больій после мене доѣе. Ай, ай, мой Рва-
ѣанине, видишли што промысао неба чини! По-
сла ти такога, кои ѣе ти хака доѣи: и опеть

ти кажемъ, да нисамъ се я за те молио, горе бы прошао. Но гледай, те ми пошљи за мое молитве еданъ саландаръ новаца; знашь добро, да су молитве за новце; ако ли пренебрежешъ, тешко теби! обронућу требник наопако, одмолићусе, да ћу ти еданъ катрамуваћъ и анатему, пакъ ће ти доћи еданъ проигуманъ, и два заклетата старца на вратъ, те ћешъ ограисати, како ниеданъ майчинъ сынъ.

Даемъ ти на знанъ друже мой, да самъ прешао изъ Хале у Лайпсикъ, за слушати и овде, што учени люди говоре; гди намъбравамъ пребивати найманъ едну годину, и мыслимъ съ помоћу Бога, и коегъ доброгъ Србина, дати на штампу, съ грађанскимъ словима, на нашъ простъ сръбскій езыкъ, едну кнѣигу, коя ће се звати: Савѣтъ здравога разума, на пользу мога рода, да ми ние залуду мука и толико путованъ. Моя ће кнѣига написана быти чисто сръбски, како годъ и ово писмо, да е могу разумѣти сви сръбски сынови и кѣри, одъ Црне Горе до Смедерева и до Баната.

Я добытка одъ мое кнѣиге никаква не иштемъ, само да се хоће толико новаца наћи, да типографъ плаћенъ буде. Онъ досаъ ние никакву Сръску кнѣигу на штампу издао, зато еумнясе предузети е на свой трошакъ, незнаюћи, какву ће срећу кнѣига имати. Уздамсе, да ће се наћи кои, своему роду добру желатель, Сарайлія и Требинянинъ, Новосађанинъ и Осечанинъ, да пошлѣ овде типографу по неколико

дуката, за дати му дрзновеніе и показати му, да се находи люди, кои желе, што добро, србски на штампѣ видѣти. Ако што да, неће штеговати, ерѣ ће примити толико кнѣига, колико износи сума, кою положи. Я увѣраваюѣи, да ће кнѣига моя быти весма полезна, не мыслимѣ у томѣ себе хвалити, но оне люде, одѣ кои самѣ што добро научіо; изѣ коихѣ премудры кнѣига французски, немецки и талиански, найлѣпше мысли као цвѣће избирати намѣравамѣ, и на нашѣ общтій языкѣ издати. Нудерѣ обазрисе, небыли и ту кога нашао, кои бы изволіо, саобщтникѣ общтеполезнога дѣла быти; кажи му, да што е годѣ Србаля, одѣ Адриатическога мора до рѣке Дунава, сви ће га похвалити. Сладка е утѣха надатисе, да ће наша имена живити и мила нашему роду быти, за добро кое смо му учинили, до оны самы далеки времена, кадѣ се наше кости у прахѣ обрѣте. По много хиляда година, србска ће младежѣ насѣ споминѣти, и наша ће памѣть последнѣимѣ родовима мила и драга быти. Нека само окренемо еданѣ погледѣ на народе просвѣштене цѣле Европе: у садашнѣмѣ вѣку сви се народи силе, свой діалектѣ у совршенство довести; дѣло весма полезно! будуѣи, да кадѣ учени люди мысли свое на общтѣму цѣлога народа языку пишу, онда просвѣщеніе разума и свѣтѣ ученѣя, не остае само при онима, кои разумѣваю старѣи кнѣижевнѣи языкѣ, но простиресе и достиже и до селяна; преподаваюѣисе найпростіѣму народу и чобанима, само

ако знаду читати. А колико е ласно на свомъ езыку научити читати! Кома ли неће се милити, мало труда предузети, за научити читати, читаюћи што паметно и разумно, и врло ласно разумѣваюћи оно што чита? знамъ да ми може ко противъ рећи: да ако почнемо на простомъ діалекту писати, старый ќе се езыкъ у немарность довести, пакъ мало по мало изгубити. Отговарамъ: коя е нами користь одъ еднога езыка, коега у цѣломъ народу, одъ десетъ хиљада едва еданъ, како валя разуме, и кои е туђъ матери мојой и сестрама?

Некъ науче . . . то е ласно рећи, али ніе учинити. Колико е оны, кои имаю време и способъ, научити старый књижевный езыкъ? врло мало! А обштій простый діалектъ сви знаду, и на нѣму сви, кои само знаду читати, могу разумъ свой просветити, срце поболшати и нраве украсити. Езыкъ има свою цѣну одъ ползе, кою узрокуе. А кои може выше ползовати, него обштій цѣлога народа езыкъ?

Французи и Италианцы нису се бояли, да ќе латинскій езыкъ пропасти, ако они почну на свои езыцы писати; као што и ніе пропао. Неће ни нашъ старый пропасти, зато учени люди у народу свагда ќе га знати, и съ помоћу старога, новый ќе се отъ дава на данъ у болъ станѣ приводити. Москаљи све свое najbolj књиже, на свомъ діалекту са грађанскимъ словима штампаю. Само простота и глуность задоволявасе свагда при старинскомъ остати. Зашто е

друго Богъ дао човеку разумъ, разсужденіе и слободну волю, него, да може разсудити, разпознати, и изабрати оно што е болъ? А шта е друго болъ, него оно што е полезніе? Штогодъ не приноси какову год ползу, нема никакве доброте у себи. Зашто бы се дакле мы Србљи сумняли. у таковомъ и толико полезномъ и похвале достойномъ дѣлу, прочимъ славнимъ народима слѣдовати? Ние маня часть света, у којой се славеносрбскій езыкъ употребљава, него земля Французска, илити Енглеzsка; изключивши врло малу различностъ, коя се находи у изговараню, кое се случава у свимъ другимъ езыцима. Ко не зна, да жители црногорскіи, далматскіи, херцеговскіи, босанскіи, хорватскіи (кромъ му'жа), славонскіи, сремскіи, бачкіи, и банатскіи (осимъ Влаа') еднимъ истымъ езыкомъ говоре? Говореѣи за народе, кои у овимъ кралѣвствама и провинціяма живе, разумѣвамъ, колико грчке цркве, толико и латинске слѣдователъ, не исключаваюѣи ни саме Турке Бошняке и Ерцеговце, будуѣи да законъ и вѣра може се промѣнити, а родъ и езыкъ никада. Бошнякъ и Ерцеговаць Турчинъ, онъ се Турчинъ по закону зове, а по роду и по езыку, како су годъ были нѣгови чукун-дедови, тако ѣе быти и нѣгови послѣднѣи унуцы Бошняцы и Ерцеговцы, догодъ Богъ свѣтъ држи. Они се зову Турцы, докъ Турцы томъ земљомъ владаю, а како се правы Турцы врате у свой вилаѣтъ, одъ куда су произишли, Бошняцы ѣе

остати Бошняцы, и бы ће, што су и нѣови стари были т. е. Срби. За савъ дакле сръбскій родъ я ћу преводити славны и премудры людїи мысли и совѣте, желећи да се сви ползую.

Моя ће књига бити за свакога, кои разумѣва нашъ езикъ, и ко съ чистымъ и правымъ срцемъ жели, умъ свой просветити, и нраве поболшати. Нећу ни мало гледати, ко е кога закона и вѣре; нити се то гледа у данашнѣмъ вѣку просвештеномъ. По закону и по вѣри, сви бы люди могли добри бити. Сви су закони основани на закону естества; ниеданъ законъ на свету не вели: чини зло, и буди неправеданъ; но напротивъ, сви што ии е годъ, одъ стране божіе налажу и заповѣдаю, никомъ никаква зла не творити, добро творити и любити правду. Богъ е сама вѣчна доброта и правда, што годъ ніе добро и праведно, ніе одъ Бога. А зашто дакле у свакомъ закону има злы и неправедны людїи? Ніе тому законъ узрокъ, него неразуміе, слепота ума, покварено, пакостно и зло срце, и преко мѣре любовъ къ самомъ себи. Ово су извори, изъ кои извиру све страсти, кое узнемираваю родъ човеческїи, и кое чине, да човекъ на човека мрзи, еданъ другога хули, гони, удручава, озлоблява, проклинь, у вѣчну муку шилъ, и врагу предае: а што е найгоре, подъ именовъ вѣре и закона, превраћаюћи и толмачећи законъ свой по злоби и по страсти срца свога. Кадъ ће нестати мрженя и вражде на земљи! Кадъ ће срце

наше доѣи у свою природну доброту, да у лицу свакогъ себи подобногъ човека позна брата свога! нитъ мыслеѣи нити пытаюѣи, кое е вѣре и закона? Оне, у коіой е Богъ изволю да се роди, као и ты у твоіой; кое е вѣре? оне, кое бы и ты быо, да си се у истой родіо, ако бы поштенъ человекъ быо. Съ чіомъ вољомъ и допуштенѣмъ люди се плоде и раѣаю, расту, живе, и сладости овога свѣта уживаю у свакомъ роду и племену, у свакой вѣри и закону? Съ Божиіомъ. Дакле шта бы мы хотели? заръ да смо паметни и больи одъ Бога? Оно што Богъ допушта и хоѣе, то мы неѣемо! О наше дѣтинске намети! Браѣо люди, познаймо еданпутъ нашу неправду! Како можемо мы изискивати одъ други оно исто, кое кадъ бы други одъ насъ изискивали, велика бы намъ се неправда чинила. Познаймо еданпутъ сву силу овы рѣчій, просте су и блажене, и не требую никаква толмаченя: *Што годъ хоѣете, да вамъ чине други люди, чините и вы то ньма.* А шта бы мы ради да намъ други чине? Да намъ пуштаю съ миромъ живити у нашемъ закону, да намъ не чине никаква зла, да намъ опраштаю наше слабости и погрешке, да насъ любе и поштую, и да намъ помогну у потреби нашой. То исто и мы смо дужни свима людма на свету. Ово е савъ законъ и пророцы. Свака наука, коя е овой противна, узнемируе люде, узрокуе вражду и свако зло: слѣдователно ніе одъ Бога. Зато

дакле я ћу писати за умъ, за срце и за на-
рави човеческе, за браћу Срблѣ, коєга су годъ
они закона и вѣре. Я самъ искуствомъ познао
желю, любавъ, усердіе и ревность господара
Новосађана, и Осѣчана, и у Далмаціи Сарайлія
и Херцеговаца, како горећимъ срцемъ желе
науку своіой дѣцы; нигди нисамъ быо, гди нису
ме желили и уставляли. Како бы я дакле от-
говорио, на любавъ и пріязность мога любез-
нога рода, развѣ трудећи се, колико могу, за
просвештеніе младежи? А то што желимъ, ни-
како болъ не могу учинити, него преводећи на
нашъ ѳзыкъ златне и прекрасне мысли учены
людіѣ, и таковымъ способомъ, и родителѣ у
нѣовой благой намѣри укрепляваюћи, и у ср-
цама младости србске, небесный и божественый
огань ко ученю и къ добродѣтели зажижући,
и светъ разума, чакъ до просты селяна, и до
самы пастирски колиба разшируюћи. У садаш-
нѣ срећно време, зрацы ученя и философіе до
татарски граница досежу. Не могу премучати
овде велико старанѣ благородны боляра мол-
давски, за воспитаніе и науку нѣове деце. Ней-
ма садъ младића у Яшу, кои незна, осимъ свогъ
ѳзыка, елински и французски, многи латински
и талиански. Надъ свима обаче, вѣчне славе и
похвале достойный, любоученѣйшій и преизряд-
нѣйшій господинъ Л е о н ѣ Т и у к а, Епі-
скопъ Романскій у Молдавіи, коєга усердіе къ
науцы и любавъ къ отечеству нѣ могуће до-
вольно описати. На другомъ месту небу изо-

ставити прилику, за описати на шире овога славнога мужа; овде само толико назначуемъ, да онъ Епископомъ будући Французскій е языкъ изучіо, преизрядну бібліотеку съ многимъ трошкомъ саставіо, различне кнѣиге на свой языкъ превести дао, и садъ намѣрава, Оксенстерна *Театръ политическій*, и *Телемаха* са своимъ трошкомъ на штампу издати, и свомъ отечеству поклонити. Ево ти брате, мое намѣре у Лайпсигу: на маѣу предузети дѣло, колико ми допусти моя наука, будући да у колегіе не престаемъ ходити; ты гледай те разпошљи неколико одъ овы писама коекуда; време ће ме научити, есамъ ли се у моіой надежди превагіо. Ако ли и то буде, неѣу се уплашити, нити ѣу оно, што е съ мое стране могуће, изоставити. Мени ће преко мѣре плаћено быти, ако когодъ одъ мога рода рекне, кадъ на дамномъ зелена трава нарасти: Овде леже нѣгове србске кости; онъ е любіо свой родъ; вѣчна му паметъ! — У осталомъ ты ми здравъ буди, любезный Хорваћанине! Поздрави ми съ Хрістосъ воскресе господаре Войновиће, Ризниће и Куртовића, и проче Сарайліе и Мостаране.

У Лайпсигу, 13 Априла 1783.

твой братъ и слуга,
ДОСИЋЕЙ ОБРАДОВИЋЪ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19Ср II 864/1.1

Нар. Књигопечашња Дан. Медаковића.